

АЛЛА ХОЛОД

Человек
без дождя

ПСИХОЛОГИЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Психология преступления

Алла Холод

Человек без дождя

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Холод А.

Человек без дождя / А. Холод — «Эксмо», 2018 — (Психология преступления)

ISBN 978-5-04-090916-2

Алена с помощью подруги детства Дины устроилась на работу в фирму ее жениха – крупного бизнесмена Валерия Завьялова. Когда-то Алена отказала ему в ухаживаниях, и он дал понять, что ничего не забыл. Алена затаила обиду и при случае постаралась отомстить – узнав, что в офисе находится пакет с крупной суммой, она нашла предпринимателя, жестоко обманутого Завьяловым, и подбила его на кражу. Деньги удалось вынести из офиса и спрятать в условленном месте, но пакет бесследно исчез... В ужасе Алена отправилась к Дине за советом, но в квартире подруги ее убили. А вскоре Завьялова тяжело ранили на корпоративе... Дина в панике скрывается – что, если ей тоже угрожает опасность? Но вечно прятаться невозможно, и рано или поздно ей придется узнать правду, какой бы она ни была...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090916-2

© Холод А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алла Холод

Человек без дождя

© Холод А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Часть 1

Глава 1

В то утро она проснулась от громкого чириканья воробьев за окном. Солнце, яркое и совершенно бесцеремонное, светило прямо в глаза через незадернутую штору. «Что за концерт? – подумалось Алене. – Пойти прогнать, что ли, этих воробьев к чертовой матери?» На полу, перед разложенным диваном, лежал ее мобильник, Алена откинула крышку чехла, чтобы посмотреть время. Нет еще и восьми часов. Ее вчерашний приятель, отбросив простыни, громко храпел, лежа на левом боку. Алена встала, натянула майку, направилась в туалет. На спящего мужчину смотреть не хотелось. От одного воспоминания о вчерашнем вечере она испытала мучительный стыд – чувство, которое, как известно, многократно усиливает похмелье.

Кстати, о похмелье. Алена же обещала себе, что коли уж не удалось отвертеться от компании, то пить она ни за что не будет – пару бокалов шампанского и все. Поначалу так и было, она держала данное себе обещание довольно долго. Но потом этот вчерашний Костя... Алена поморщилась, вспоминая Костю, коньяк, который с ним пила, его нелепые ухаживания. Как она могла! Ведь сто раз уже говорила всем своим приятельницам, озабоченным ее неустроенной личной жизнью, чтобы больше никаких сводничеств, никаких знакомств, никаких мужиков! Клялась: увижу в нашей компании мужика без пары – сразу уйду. Но почему-то вчера не ушла. Мало того, пила с этим Костилом, а потом поехала к нему домой. Если коньяк еще хоть как-то можно себе простить, то ночную вылазку – уж точно нет.

Алена вышла на кухню, оглядела остатки вчерашнего застолья. В компании они и так набрались достаточно, но Костя и дома настаивал на продолжении банкета. На столе стояла двухсотпятидесятиграммовая бутылочка простецкого коньяка, на дне которой еще оставалась жидкость. Алена отвернулась, чтобы не стошнило, открыла холодильник в пискх холодной минералки или кефира и не нашла ни того, ни другого. «Интересно, – подумала она, – этот красавец решил, что с утра, когда проснется, пошлет меня за пивом?» От мысли о том, что вчерашний ухажер может вдруг проснуться, Алена забеспокоилась. Только не это! Что угодно, лишь бы не столкнуться со своим позором лицом к лицу, не видеть мятого лица, не слышать никаких просьб, не объяснять, почему не хочешь оставлять номер своего телефона. Алена решила, что вызывать такси нужно, выйдя из квартиры. Не дай бог Костя услышит, проснется... Ну его к чертям собачьим. Лучше посидеть во дворе до приезда машины, послушать воробьев, подышать воздухом. Волосы стояли дыбом и не поддавались расчесыванию, Алена кое-как прижала их к голове, поспешно умылась. С собой у нее в сумочке были только помада и пудра. Алена чуть припудрилась, красить губы на такой мятой физиономии не имело никакого смысла.

Выскочила на улицу с отвратительным ощущением несвежести и нарастающей сухости во рту. По лестнице темного затхлого подъезда она спускалась на автопилоте, а выйдя на солнечный свет, ощутила всю полноту похмелья, которое только теперь начало заявлять свои права в полную силу. Внезапно накатил тошнота: результат смешивания шампанского с крепким алкоголем. Алена постаралась делать глубокие вдохи, чтобы муть на дне желудка улеглась, и почувствовала, что не за горами следующий этап утренней расплаты на вечернюю несдержанность – похмелье моральное. Стыдно ей было с самого утра, а сейчас ей стало еще и очень жалко себя. Ну почему у нее все через задницу? Почему она, в свои тридцать четыре года, сидит ранним утром одна во дворе чужого дома и мучается от раскаяния и жажды? Сложись жизнь иначе, это утро могло быть совсем другим. Этот солнечный, июньский день вполне мог начаться с аромата кофе и свежееиспеченных оладушков, нежного поцелуя в горячую со

сна шею и ласкового шепота: «Любимая, пора вставать!» А могло оно начаться и по-другому. Алена вдруг представила себя с большим животом, подумала, как могла бы поглаживать его, переговариваясь с невидимым, но уже явственно осязаемым внутри человеком, и как Он, единственный и неповторимый, заходит в спальню с нежными бело-розовыми занавесками, присаживается рядом и протягивает ей стакан свежесжатого сока. «Ты уже проснулась, любимая? Как спал наш малыш?»

Когда видение исчезло, по щекам уже текли слезы. Впрочем, как и всегда, когда она представляла себе, как все могло бы быть... «Однако надо вытереть морду и вызвать такси, – подумала Алена, – какой же тут адрес?» Она встала со скамейки, огляделась в поисках таблички с номером дома, но поблизости таковой не было. Не беда – первый этаж соседнего подъезда занимает частное медицинское учреждение, об этом гласит вывеска «Диагностика плюс». Улицу она знает, скажет, чтобы подъезжали к диагностике, сообразят. Сплошные траты с этими ухажерами, вздохнула Алена, которая пользовалась услугами такси только в самом крайнем случае.

Алена достала салфетку, высморкалась, вытерла слезы и продолжила рыться в сумке в поисках телефона. В этот момент во двор въехал белый джип. Алена машинально отвернулась. Когда ты немытая и нечесаная, да к тому мятая и заплаканная, как-то не очень ловко оказываться в обществе владельцев дорогих машин. Это чисто женское... Впрочем, из машины выскользнула дамочка, и Алена, даже несмотря на свой внешний вид и все еще хлюпающий нос, не смогла удержаться, чтобы не взглянуть в ее сторону. Что-то неуловимое в ее движении и повадках заставило Алену напрячься. Дамочка казалась скорее девушкой: среднего роста, стройной, в креативненьких джинсах, поцарапанных в нескольких местах, белой майке и белых мокасынах, в закрывающих пол-лица солнцезащитных очках. Ее губы были слегка тронуты улыбкой. Алена знала: девушка не улыбается кому-то конкретному, у нее просто такая форма губ: совсем чуть-чуть, почти незаметно, их краешки почти всегда приподняты в полуулыбке. И когда она хмурится или злится тоже, просто тогда она слегка поджимает нижнюю губу. Но это у нее ненадолго, подолгу ни хмуриться, ни злиться она не умеет. Динка! Сколько же лет Алена ее не видела!

Динкин «Ренджровер» пискнул сигнализацией, и Аленина подружка детства направилась в сторону дверей «Диагностики». Внезапно она остановилась и повернула голову. Замерла – и несколько секунд обе женщины смотрели друг на друга.

– Боже мой! – воскликнула Дина, снимая с носа очки. – Не могу поверить своим глазам! Они пищали и щипали друг друга, обнимались и шмыгали носами.

– Ты чего тут сидишь, – наконец оторвалась от подружки Динка, – живешь здесь? Ты с кем-то поругалась? Тебя что, муж из дома выгнал? Почему ты плакала?

Она засыпала ее вопросами, а Алена от неожиданности и нахлынувших чувств не могла ничего ответить, только снова захлопала.

– Так, – нахмурилась Динка, – сиди тут и никуда не уходи. Мне нужно только кровь из вены сдать, тут очередей не бывает, так что это буквально пять минут.

– Ты что, болеешь? – удивилась Алена, оценивая цветущий Динкин вид.

– Болела, – отмахнулась Дина, – это контроль. Никуда не уходи, слышишь? Я сейчас...

С этими словами она поспешила к подъезду с тяжелой дорогой дверью и проскользнула внутрь.

Рядом с Динкой прошло все Аленино детство. На зиму в их большом дворе заливали каток, и они с Динкой катались по вечерам, когда все ребята уже уходили со двора. Из своего детства Алена помнила, что морозы стояли жгучие, снег оглушительно скрипел под ногами, а одинокий месяц в чернильном небе был единственным свидетелем их с Динкой выступлений. Зато они могли никого не стесняться и воображать себя знаменитыми фигуристами. Потом, став постарше, они втянулись и даже ходили кататься на большой городской каток.

Когда морозы свирепствовали так, что мамы не пускали их во двор, они сидели долгими зимними вечерами дома, ели беляши, которые очень вкусно жарил Аленина мама, и играли в балду. Если Динка проигрывала несколько раз подряд, она психовала, обвиняла Алену в том, что она специально ее отвлекает, и уходила домой, громко хлопнув дверью. Их разлука продолжалась, как правило, 30–40 минут, после чего Динка звонила и звала к себе слушать «Битлз». Динкина мама, в свою очередь, кормила их салатом оливье, они брали поднос с собой в комнату и там предавались своему самому изысканному наслаждению. Алена любила Леннона, Динка – Маккартни. Они могли подолгу лежать на ковре, слушая «Эбби роуд» и тихонько всхлипывая от восторга. Иногда они даже ночевали вместе. Обе мамы смеялись: мало им дня! Но мамы не знали, что ночью у девочек было другое важное и совсем не дневное занятие. Они гадали. Чертили идеально ровный круг, вокруг которого располагали буквы алфавита, внутри делали отверстие для иголки. Держа иголку за ниточку, они задавали магическому кругу вопросы, иголка двигалась и замирала напротив какой-нибудь буквы. Из этих букв складывались ответы. Иногда они совершенно точно совпадали с тем, что потом случалось в реальной жизни. Уверовав в свои прорицательские способности, Динка раздобыла где-то карты Таро, и подружки долгое время изучали значение каждой карты, пробовали все новые и новые расклады.

Летом девчонки уезжали кто куда – Динку увозили к бабушке, к морю, Алену тоже к бабушке, но в деревню. Когда перед началом учебного года наставало время съезжаться домой, они с нетерпением ждали, кто первой появится. Если Алена возвращалась раньше Дины, она знала, что, когда будет подниматься по лестнице, дверь в Динкину квартиру будет открыта, из нее будет высовываться улыбающаяся, светящаяся нетерпением мордочка подружки. Если Динка приезжала позже, Алена караулила ее на балконе, проглядывая все глаза.

Алена первый раз вышла замуж в 19 лет. С того момента ее жизнь, такая спокойная и ровная до того, полетела вверх тормашками. Тогда же и их пути с подружкой Динкой разошлись на много лет.

Погрузившись в воспоминания, Алена не заметила, как Дина вернулась.

– Так что у тебя стряслось, ты скажешь или нет? – настаивала она.

– Да ничего такого особенного... – промямлила Алена.

– Оттого ты сидишь лахудра лахудрой в чужом дворе и вытираешь сопли? – уточнила Дина. – Ты ведь не здесь живешь?

– Нет, не здесь, я тут в гостях была, – ответила Алена.

– Все ясно, поехали, – заключила девушка, беря подругу под руку и подталкивая к машине.

– Куда? – уточнила Алена, хотя ей было совершенно все равно, куда ехать.

– Ко мне, куда же еще...

Алена уселась на мягкое кожаное сиденье, и напряжение мгновенно отпустило ее. Динка протянула ей бутылку биокефира:

– На, хлебни, тебе, кажется, надо, – сказала она, – я брала себе, кровь же натошак сдают, думала, вдруг захочется.

– Не захотелось?

– Пей, тебе нужнее, – ухмыльнулась подруга.

Они успели проскочить к Динкиному дому до того, как город парализовала повсеместная будничная пробка. Динка жила в новом доме с видом на Вознесенский храм и водохранилище. Алене этот район казался очень странным. Каким-то удивительным образом здесь соседствовали совершенно не сочетающиеся между собой кварталы. Даже не кварталы, а скорее островки. На одной стороне улицы, например, располагался ультрасовременный, даже помпезный деловой центр, напротив коммерческий банк отделал свой офис так, что, если не видеть всего остального, казалось, будто находишься где-нибудь на Манхэттене. Рядом с

ним выстроили большой элитный жилой дом, в первых этажах которого находились продуктовый магазин, шикарный мебельный салон, великолепно оформленный ресторан итальянской кухни, кофейня «а-ля франс», салон красоты и фитнес-клуб. А рядом со всем этим архитектурным пиршеством каким-то чудом уцелел исторический памятник – дом какого-то купца, построенный в незапамятные времена и не знавший ремонта, несколько частных владений – крошечных домиков с микроскопическими дворами, двухэтажный жилой дом грязно-желтого цвета, внешне очень похожий на барак, и другой памятник, уже советской эпохе, – бывший магазин типа сельпо, который давно стоял с заколоченными окнами. Как могли уцелеть здесь, в районе активной застройки, эти мамонтовые скелеты? Вообще город развивался как-то странно. Левый берег представлял собой типичное провинциальное захолустье, с периодически разливающейся речкой-вонючкой, молодые районы северной части правобережья были аккуратно застроены новыми огромными жилыми массивами: единообразными, геометрически выверенно расположенными по отношению друг к другу. Другие районы являлись форпостами советской архитектуры и уныло смотрели на мир глазами хрущевских пятиэтажек. А центр являл собой странное зрелище. В одних местах он сверкал великолепием новомодных бизнес-центров и отелей, офисных зданий крупных строительных компаний, облагороженных краской и подсветкой административных учреждений. А кое-где оставались еще островки «прошлой жизни». Причем если островки мешали строителям осуществлять их проекты, их сносили, а если нет – так и оставляли стоять, смотреть подслеповатыми глазками крошечных окошек на соседствующее с ними великолепие новостроек.

Динка жила в новом красивом доме, даже с ее невысокого второго этажа открывался приятный глазу вид на водохранилище, на пустынные набережные, золотой купол храма. От того, что за окном расстилалось неоглядное пространство, само помещение казалось свободнее и просторней. Хотя оно и так являлось немаленьким. У Динки была квартира-студия. Никакого коридора, по холодному времени одежду, наверное, снимали и вешали в шкаф-купе с зеркальными дверями. По левую сторону от входа располагалась обеденная зона: кухня в хай-тековском стиле, барная стойка, широкий угловой диван и небольшой оригинальный столик. Пол был выложен плитками цветов кухонных панелей: темно-синими и бледными грязно-розовыми. Такими же грязно-розовыми были занавески, в них мерцала золотая ниточка, они были как-то причудливо собраны, сразу Алена даже не разобрала, как именно. Правая часть помещения была отделена от обеденной зоны, но не стеной с дверью – этого здесь вообще не было. Дизайнер, работавший над интерьером, разместил здесь две строгие колонны, без всяких выпуклостей и украшений, а между ними Дина повесила картину. Картина была больших размеров и освещалась подсветкой снизу и сверху. За ней угадывалось личное пространство хозяйки.

От картины невозможно было оторвать глаз. Алена, ровным счетом ничего не понимавшая в живописи, в том числе и примитивистской, застыла как вкопанная.

– Это Егоров, настоящий, подлинник, он сам мне ее подарил, не веришь? – с гордостью заявила Динка.

Алена поверила. Она не знала, кто такой Егоров и может ли быть у Динки его подлинник, она просто как зачарованная смотрела на полотно.

– Потом насладишься, – развернула ее Динка, – а пока приводи себя в порядок. Сначала позавтракаем или в душ?

– В душ, – без сомнений ответила Алена.

Дина провела ее в просторную ванную, где Алена с наслаждением стояла под теплыми, тугими струями воды в душевой кабине, смывала с себя позор вчерашнего вечера и случайной, ненужной связи. Потом она распаковала новую щетку, тщательно почистила зубы, намазала лицо увлажняющим кремом, освежилась дезодорантом и надела оставленный Динкой в ванной легкий халатик-кимоно. Пока она все это проделывала, ее подруга соорудила завтрак. На

столике стояла большая квадратная тарелка с нарезанным сыром и нежной варено-копченой индейкой. Рядом стояли открытые упаковки с паштетом, а на дощечке Дина намазывала маслом нарезанный темный хлеб.

– Потом надо будет хвостики у клубники вырвать, – сказала Дина, подвигая к Алене миску с ягодой, – смешаем со сметаной на десерт.

Понятно, Динка и в детстве любила самое вкусное.

Подруга стала насыпать в турку кофе, но вдруг остановилась.

– Слушай, матушка, а тебя, наверное, сейчас кофейком не удивишь, – сказала она, – тебе вот что нужно. Сейчас, у меня есть, все будет как в лучших домах.

На Алёну накатила новая волна морального похмелья: вот уже люди по внешнему виду определяют, что она вчера перебрала.

– А что, так сильно видно? – проняла она.

– Не столько видно, сколько понятно, – объяснила Динка, – помятость, конечно, определенная есть, да фонило от тебя, когда мы обнимались. Но главное: что бы еще ты делала в слезах в чужом дворе, если бы не это?

Тем временем она достала из холодильника бутылку французского шампанского и довольно ловко ее открыла.

– А ты? – протянула Алена.

– Ну мне-то оно без надобности, но по такому случаю... ладно, обойдусь сегодня без машины, – подытожила Динка и достала два высоких узких бокала.

Они позавтракали, выпили шампанское, с удовольствием съели клубнику со сметаной, сварили кофе, и только после этого Дина попросила серьезным тоном:

– А теперь расскажи, как ты живешь.

«Бесхитростно, безденежно, – хотелось сказать Алёне, – обхожусь без джипа, без студии в новом доме, без подлинников модных примитивистов и даже без креативных джинсов. И не пью французское шампанское».

– Да так себе, если честно, – сказала она вслух.

Динка понимающе кивнула, отчего Алена вспыхнула: значит, ее бедственное положение заметно с первого взгляда.

– Странно, – пожала плечами Дина, – ты такая красивая, у тебя отличные данные, ты умница, почему у тебя что-то не так?

У Алёны было не просто «что-то не так», у нее, честно сказать, все было не так. Здоровьем и внешностью ее действительно бог не обидел. Он дал ей статную фигуру, длинные ноги, густые каштановые волосы. И лицо у нее было выразительное, запоминающееся. Но был у Алёны один существенный недостаток. Может быть, в подростковом возрасте и ранней юности он если и начал проявляться, то серьезно к нему никто не относился. А впоследствии оказалось, дело было – серьезнее некуда. Алена была слишком влюбчива. Причем влюбчива до полной потери разума, самоконтроля и самоуважения. Влюбившись, она переставала замечать окружающий мир и погружалась в чувство, как алкаш в запой. На первом курсе университета она заболела пневмонией и оказалась в больнице. Там она без памяти влюбилась в лечащего врача и сбежала из дому. Доктор только что пережил развод, юная пациентка вскружила ему голову, и он был не против, что она некоторое время поживет у него. Алена растворилась в своем возлюбленном, поклонялась ему и дрожала от одного звука его имени. Через некоторое время буря чувств слегка улеглась, и оказалось, что у тридцатипятилетнего врача и юной студентки слишком мало общих интересов. Вернее, их единственный общий интерес – это постель. Кроме того, выяснилось, что развод у доктора хоть и состоялся, но бывшие супруги продолжали сходить с ума от ревности. И, поселив у себя молодую студенточку, ее возлюбленный сделал назло бывшей жене, которую сильно ревновал. В итоге Алёнин доктор помирился со своей бывшей женой, а девушку, как исполнившую свою миссию, выставил за дверь. Ска-

зять, что Алена переживала – это не сказать ничего. Родители даже не стали ей выговаривать: боялись, что она бросит университет или – того хуже – наглотеется каких-нибудь таблеток. Прошло некоторое время, и Алена успокоилась. Не сама, правда, ей помог выпускник журфака по имени Рома. На него трудно было не обратить внимание: это был высокий и красивый парень, балагур, остряк, душа компании. Его окружало множество девушек, с которыми он имел легкие, ни к чему не обязывающие отношения. Слишком близко девушки сами не подходили к Роме, потому что он слишком много пил. Алена, дурочка, влюбилась в него без оглядки. Родители сначала обрадовались, что она забыла своего женатого доктора, но, когда поняли, что представляет собой Рома, забили тревогу. Если он постоянно подшофе в 23 года, то что будет дальше! Но Алена никого не слушала, она унеслась в космическое пространство своей безоглядной любви и не желала внимать никаким доводам. У Ромы недавно умерла мама (отца у него и вовсе не было), и он предложил Алене руку и сердце. Он не мог жить без горячей пищи, так его приучили с детства, и ему требовалась постоянная женская забота, потому что в быту он был патологически ленив. Несмотря на категорический протест родителей, Алена вышла замуж (потихоньку, без всякой свадьбы), и скоро выяснилось, что ее муж ленив не только в быту, но и вообще, в принципе. После университета Алена, получившая специальность экономиста, устроилась работать на телевидение бухгалтером. Подруги крутили пальцами у виска, все вокруг говорили ей, что она сумасшедшая и хоронит заживо свои способности, но девушка была непреклонна. Туда устроился ее муж, она должна быть рядом. На самом деле Алена боялась оставлять Рому без присмотра, потому что вокруг него постоянно крутились какие-то девицы. Объяснялось это легко: ее первый муж имел выдающиеся мужские способности и не делал из этого секрета. Он считал, что его мужская сила подпитывается за счет наибольшего числа «покрытия» особей противоположного пола. Уследить за развратником Алена, конечно, не могла, так же как и остановить процесс скатывания Ромы в пропасть. Он пил все больше и больше. На работе ему сначала прощали за его способности, но когда злоупотребления стали мешать не только продвижению вверх, но и исполнению даже самых несложных обязанностей, у него начались неприятности. Его убрали из эфирных ведущих, переведя на работу исключительно за кадром, но Рома не одумался, не остановился. Осознавая, что скатывается вниз, он еще больше пил и еще сильнее злился. Когда Алена попадалась под руку, ей доставалось. Она терпела долго, даже тогда, когда ее совсем перестали понимать подруги, родители и соседи, у которых она периодически укрывалась от мужниных кулаков. Она вернулась домой только после сотрясения мозга, которое устроил ей Рома по очередному пьяному делу. Некоторое время она была тише воды ниже травы, сотрясение в этом смысле пошло ей на пользу. Но после оформления официального развода ей стало скучно, любвеобильное сердце стало томиться в одиночестве. С работой у нее ничего хорошего не получалось, она не могла хорошо устроиться, круг ее знакомых не пересекался с теми кругами, где люди легко делают карьеры и зарабатывают хорошие деньги. После Ромы ее ожидало глубокое разочарование от встреч с человеком, который оказался женат. Потом у Алены завязался служебный роман, но и он плохо кончился: ее избранник предпочел другую девушку, Аленину приятельницу и коллегу. Что-то в Алене отталкивало мужчин. С ней охотно ложились в постель, но серьезные отношения завязывать боялись. Мужчины боятся женщин, которые готовы слишком много отдавать, – ведь они так же много требуют взамен. Но Алена все-таки вышла замуж во второй раз, и во втором замужестве ее тоже ждал неприятный сюрприз. Ее муж Павел, получив официальные права на жену, полностью подчинил ее своему контролю: она обязана была записывать каждую потраченную копейку, обосновывать ту или иную трату денег. Дальше – больше. По вечерам он стал требовать отчета за каждый час: что Алена делала, где была, с кем разговаривала. Павел стал проверять ее мобильный телефон, требовал, чтобы она отчиталась за каждый звонок, просматривал сообщения в соцсетях. Прошло, наверное, около года, пока Алена поняла, что у ее мужа просто-напросто не все в порядке с головой. Она нашла у него какие-то таблетки, которые он

употреблял по назначению психиатра, и, хорошо помня о своем первом сотрясении, в страхе бежала домой, к родителям.

Она и сейчас жила бы с родителями в старом доме, если бы не умер дедушка, ветеран войны, который получил от государства новую однокомнатную квартиру и завещал ее Алене. На деньги, которые скопил дедушка, Алене удалось сделать скромный ремонт и купить самую необходимую дешевенькую мебель. Порой настолько дешевенькую, что она держалась на одном честном слове. После сумасшедшего Павла, который, кстати сказать, еще долго ее преследовал, Алена боялась встречаться с мужчинами, не хотела ни с кем знакомиться. Иногда женская природа заставляла с кем-то общаться, как она говорила, «в целях удовлетворения физиологической необходимости». Но такие встречи были редкими и ничего не значащими. Алена мечтала о любви, но жизнь ее была пуста. Имея престижную и востребованную специальность, она так и не смогла устроиться на хорошую работу. Одежду приходилось покупать самую дешевую, скидочную, а потом подруга, такая же безденежная, как и Алена, научила ее делать покупки через интернет. Рацион составляли в основном блюда из курицы, от которой уже хотелось кудахтать, и всякой другой дешевой снеди. Вот, пожалуй, и все. О чем еще было рассказывать?

Рассказ о судьбе задушевной подружки детства Динка слушала нахмурившись, изредка покачивая головой, что могло означать «что ж ты так...». Они выпили еще одну бутылку шампанского, вернее, ее почти всю выпила Алена, Динка только чуть притронулась. Когда Алена умолкла, Дина встала с дивана и засуетилась:

– Давай-ка знаешь что, ложись и немного поспи, – сказала она, – тебе это сейчас очень надо.

– Дин, я домой поеду и так расселась тут у тебя, – спохватилась Алена, – пора и честь знать.

– Поговори еще, – отмахнулась от подружки хозяйка дома, – вот тебе подушечка, пледик легкий, жарко не будет, поспи чуть-чуть, а я скоро приду.

– Ты куда? – спросила Алена, которой, по правде говоря, очень хотелось поспать после дурацкой ночи, Динкиного шампанского и собственных откровений.

– Я тут недалеко, – не стала уточнять подружка, – за руль не сяду, пешком пройду, близко.

Она ушла в правую часть квартиры и вскоре появилась уже в другом виде. Выглядела Динка обалденно: на ней была струящаяся шелком юбка, черный топик, мерцающий серебристой нитью. Она причесалась, накрасила губы помадой насыщенного оттенка, надела на шею витиеватое украшение, составлявшее комплект с крупным кольцом, выбрала очки с маленькими аккуратными стразами на дужках, окутала себя каким-то неземным ароматом и сказала:

– Ложись спать, я тебя закрою. Скоро приду, и тогда кое-что обсудим.

Алена, не сводя с подружки восхищенных глаз, не удержалась, прикоснулась к мерцающему топику, взяла из ее рук и примерила очки «Шанель». У нее никогда не было таких дорогих вещей, она даже в руках их никогда не держала.

– Ты выглядишь на миллион долларов, – выдохнула она.

Динка улыбнулась фирменной улыбочкой, одними уголками своих необыкновенных губ – таких, каких Алена никогда ни у одной женщины больше не видела, даже в кино.

– Я скоро вернусь, – сказала она и ушла, повернув с той стороны двери ключ в замочной скважине.

Алена провалилась в сон мгновенно: бурная ночь и впечатления от удивительной встречи сделали свое дело. Ей приснился ее второй муж, которого она старалась не вспоминать, ибо не получалось это сделать без дрожи. Он сидел напротив нее на стуле, облокотившись на спинку, и качал ногой. Алена сидела напротив, сложив руки на коленях, как послушная девочка.

– Ну а теперь рассказывай, что было вчерашней ночью, – сказал Павел, и Алена мгновенно проснулась и вскочила на своем ложе.

В первое мгновение она не поняла, где находится. На нее широким зубастым ртом ощерился мужик в телогрейке, в уголке улыбающейся пасти у него висела смятая сигарка. Мужик держал в руках гармошку, из оттопыренного кармана торчало горлышко бутылки. К нему большой мягкой грудью жалась румяная баба, заглядывала в глаза. На бабе был цветастый платок и перехваченная поясом тужурка. На заднем плане развеселые мужички и бабы пляшут, видно, что-то празднуют. А вокруг благодать – ровным слоем лежит белый снег. Солнце в небе мутное, холодноватое, подернутое морозцем, смотрит на мир вполглаза, заволакивает, надменно улыбается. А мужику и бабе хоть бы что! За ними изба – добротная, хоть и простая. В окошке горит свет, на подоконнике серый в полоску кот трется о ствол фикуса. И так Алене стало хорошо от этого зрелища, так спокойно на душе. Даже непонятно, сколько времени она разглядывала картину этого самого Егорова, но смотреть она на нее могла долго. Оцепенение превратилось в Динку, вернувшись с улицы.

– Ну что, подружка, будем кончать с твоим темным прошлым, – решительно заявила она.

– Это как? – не поняла Алена.

– А так, что завтра в двенадцать ты должны быть в офисе компании «Технологии роста», я запишу тебе адрес. Как подъедешь, позвонишь по мобильному телефону, тебя встретит руководитель службы по работе с персоналом. Она отведет тебя к твоему будущему боссу, познакомишься. Если не произойдет ничего экстраординарного, тебя возьмут на работу. Работа, правда, не совсем по твоей специальности, ты же экономист, но им сейчас экономист не нужен. Зато глава компании вторую неделю ищет помощника в приемную, и никак. Никто ему не подходит. Не знаю, какую уж он там ищет звезду, но мне в его приемной звезды не нужны. Зарплата у тебя будет не секретарская, не волнуйся. Думаю, если ты приглянешься, ты сможешь там продвинуться. Завьялов ценит способных людей.

– Кто-кто? – ошарашенно спросила Алена.

– Завьялов Валерий Иванович, глава компании, возможно, ты о нем слышала, пиар у него хороший, – пояснила Дина.

– Слышать-то я слышала, – остановила ее подруга, – но не совсем поняла. Ты меня к этому олигарху в приемную устроила, что ли?

Дина утвердительно кивнула.

– А как? – Не могла взять в толк Алена. – Как тебе это удалось? Он тебе кто?

– Пока любовник, скоро будет муж, – просто и без обиняков объяснила Динка, – но учти, я хочу, чтобы ты показалась в офисе во всеоружии. Вставай, мы сейчас с тобой сходим к моему парикмахеру, приведем в порядок голову, потом я подберу тебе кое-что из одежды, чтобы ты хорошо выглядела. У меня много всего, но все нужно мерить. Времени мало, но если ты будешь меня слушаться, мы успеем.

* * *

Подумать только! А он еще радовался, когда впервые услышал, что набережную будут реконструировать! Думал, что теперь этот район, к которому он уже успел прикипеть, станет не только еще более посещаемым, но еще и престижным. Стать-то он станет, теперь Леша в этом уже почти не сомневался, только уже, видимо, без него. Леша со злостью пнул ни в чем не повинное колесо своего джипа, открыл дверцу, чуть ее не вырвав, и газанул так, как делают глупые перепившие малолетки – с отчаянным протестующим визгом шин, вступивших в смертельное противоборство с асфальтом. Сделав вираж, автомобиль понесся по набережной.

Когда Алексей поставил здесь свой павильон, эта часть набережной никому не была нужна. Даже оптовый овощной рынок и тот отсюда переехал. Густые заросли диких кустарни-

ков, стаи облезлых бродячих собак, унылые жители частного сектора, изредка вылезающие из своих ветхих нор прошвырнуться по воздуху, – вот вам и вся набережная. Про левую сторону от главного моста, который соединял центральную часть правого берега с левобережьем, набережная имела совершенно другой вид. Городские богатеи облюбовали здесь участки задолго до того, как строительство особняков сделало из склона холма густо заселенный элитный район. Выкупленная земля застраивалась постепенно, и теперь этот район набережной имел вид дорогой, вальяжный, а порой и напыщенный. Еще дальше, в сторону нового моста и за ним, начинались новостройки. И дорога тут была хорошая, и кое-какое благоустройство переулков, ведущих вверх, в город, тоже имело место. На правую часть набережной обратили внимание после того, как привели в порядок военный памятник – Чижовский плацдарм. Затем реконструировали старинную Вознесенскую церковь, которая стояла брошенной и подтопленной грунтовыми водами. Еще позднее вокруг церкви построили ровную, квадратную площадь, украсили ее клумбами, поставили фонари и скамеечки. И стало это место постепенно приобретать популярность. Сначала сюда ходили романтические парочки, потом на площади сделали летнюю эстраду и стали привозить гастролеров, постепенно сюда же перекочевали свадебные церемонии и любители катания на роликах. Вслед за этими преобразованиями на набережную потянулись и частники: землю по другую от главного моста сторону было уже не купить, а здесь, на Вознесенской набережной, имелось еще множество незастроенных участков. В первую очередь осваивались земли ближе к центру, но со временем цивилизация стала расползаться все дальше и дальше. Лешка только радовался. Когда-то он, уволенный в запас сотрудник спецслужб, облюбовал здесь местечко для собственного бизнеса – небольшого павильона шиномонтажа. Постепенно Леша ввел целый спектр услуг: развал-схождение, компьютерную диагностику двигателя и так далее. Для этих целей место было – лучше не придумаешь. В некоторых дворах частного сектора издавна мыли машины, причем женщины тут старались и брали недорого. Место было непроходное, но очень проезное, автомобилисты знали его, и Лешкин бизнес оказался востребован. Когда он уже достаточно окреп, городские власти объявили предпринимателям, что временным сооружениям пришел конец, и если кто хочет развивать свой бизнес – милости просим переводить временные объекты в капитальные сооружения. То есть оформлять землю и по-человечески строиться. И действительно, киоски и павильоны убрали сначала с центральных улиц, потом с магистральных, а затем они и вовсе исчезли с карты города, оставшись в единичных числах и лишь на самых окраинах, где были проблемы с крупными торговыми точками. Лешка воспринял новшество с энтузиазмом, стройку вел стахановскими темпами. В итоге у него получился уже не жалкий павильончик, а вполне приличный объект. Он даже название ему придумал – «Скорость». Оформление документов шло своим чередом. Отношения в департаменте имущества и земельных отношений у него были налажены, но процесс двигался медленно. Конечно, по всей логике, нужно было начинать с другого конца – сначала поставить последнюю печать на последнем из всех необходимых документов, а потом уж строиться. Но кто ж так будет делать в реальности? Бюрократия длится долго, а кушать хочется каждый день. Все знакомые предприниматели поступали точно так же. Да что там мелкие предприниматели! Насколько знал Леша, даже самые крупные строительные конторы начинали строительство домов до окончания оформления всех необходимых документальных процедур. Бумаги доделывали уже по ходу процесса. За деньги, конечно, не без этого. И Леша тоже деньги платил, как все. Взятками это даже никто и не называл – подобные траты предприниматели закладывали в стоимость будущих проектов.

С полгода назад на популярных интернет-порталах стали появляться первые материалы о проектах по реконструкции Вознесенской набережной. Первым на эту тему высказался молодой и очень резвый бизнесмен Артем Анциферов: он предложил сделать на набережной молодежный спортивный городок, с постоянным катком, роллерными и велотрассами, базой кайтеринга и многим другим. Стали появляться и другие идеи: кто-то предлагал построить конный

клуб, кто-то еще что-то. Но совсем недавно на портале, который регулярно читал Леша, и в газетах, которые обязательно про-сматривала Эля, появились недвусмысленные намеки на то, что проект реконструкции набережной отдадут Валерию Завьялову, главе группы компаний «Технологии роста». И если раньше говорили об открытом инвестиционном аукционе, на котором решиться судьба набережной, то сейчас о конкурсе проектов почему-то замолчали.

Леша едва успел прикончить свою порцию домашней буженины с жареной картошкой и овощным салатом, как Эля положила ему прямо на обеденный стол компьютерную распечатку.

– Пока я буду готовить чай, посмотри, – прокомментировала она.

Леша взглянул на листки. И без глубокого вникания в текст все было ясно. Он уже об этом слышал: Валерий Завьялов собирается построить на Вознесенской набережной новый вертолетный клуб, эллинг, причал для прогулочных судов, увеселительные заведения открытого летнего и закрытого зимнего типа. Вся эта информация была в интервью Завьялова популярному интернет-изданию.

– Ты бы мне еще во время обеда это дала, чтоб я подавился, – огрызнулся Леша.

– Но я же не во время обеда дала, – парировала Эля, – ты уже поел, почитай, и мы с тобой поговорим.

– Поешь тут спокойно, – прошипел Леша, – я что, даже вечером, после рабочего дня не могу спокойно пожрать и расслабиться?

– Лешик, ну что ты злишься? – не сдавалась Эля. – Тебя целый день не было, я ждала тебя, чтобы с тобой обсудить дела, а ты рычишь на меня, как будто я тебе на хвост наступила. В чем дело? Ты предпочитаешь прятать голову в песок?

– Я предпочитаю сначала поесть и отдохнуть, – отрезал муж, – если ты не понимаешь, что у человека может быть такая потребность, я отдохну в другом месте.

Он встал из-за стола, оставив жену с чайником в руках, достал из холодильника початую бутылку виски, яблоко и ушел в свою комнату. Но Элю не так легко было выбить из колеи. Она налила себе чаю, открыла упаковку итальянских печенек с орехами и цедрой и переключила телевизор на канал, по которому шел детектив про Эркюля Пуаро.

Через полчаса слегка захмелевший Лешка показался на пороге кухни. Он подошел к Эле, поцеловал ее в макушку. Она не шелохнулась.

– Прости, Лисичка, я просто устал и на нервах, – сказал он примирительно, запустил руки в гриву вьющихся рыжих волос, помассировал жене голову.

Эля пожала плечами:

– Извини, если я не вовремя начала, но когда-то же об этом нужно поговорить. Если не вечером, то когда? Днем ты на работе...

Она встала из-за стола, внимательно посмотрела на мужа и сказала:

– Лешик, ты что-то от меня скрываешь, ты знаешь что-то, о чем я не в курсе. Так нечестно, я не могу жить в неведении. Я же живой человек. Ты подумал о том, что у меня тоже есть чувства, что я тоже могу переживать, нервничать?

Леша молчал.

– Если ты сейчас мне ничего не расскажешь, в дальнейшем ты будешь общаться сам с собой.

Леша знал, что эта угроза не пустая, если Эля замыкалась в себе, это могло быть надолго.

– Да я не знаю, как тебе все рассказать, – наконец выдал он, – хочешь одним словом?

– Нет, не хочу, я хочу подробности, хочу знать все до мелочей, – настойчиво проговорила жена, – но сначала можешь выразить одним словом, если тебе так легче формулировать.

– Если одним, то, кажется, мы приплыли.

Леша вздохнул, опрокинул в себя порцию виски, чтобы легче было начать, и принялся рассказывать жене то, что мучило его в последнее время и что он пока держал при себе, чтобы

лишний раз не волновать Элю. Если бы дело обошлось, она так ничего бы и не узнала о его волнениях, но при нынешнем раскладе все равно рассказывать рано или поздно пришлось бы.

По весне, где-то месяца полтора назад, на пороге павильона его встретили взволнованные сотрудники. Ему рассказали, что с самого утра приезжали какие-то ребята, все тут фотографировали, бегали с какими-то измерительными приборами, на вопросы не отвечали. Леше информация не понравилась, но паниковать было рано. Через день те же ребята появились снова, но теперь с ними были еще какие-то серьезные по виду дядьки – оба с напыщенными лицами, оба лысые, разница была лишь в костюмах: у одного он был очень дорогой, у другого не очень. Один был похож на чиновника, другой на прораба. Ребята немедленно позвонили Алексею, и он примчался, чтобы без обиняков поинтересоваться у визитеров, что к чему. Разговор не получился. Лысый в дорогом костюме был смутно знаком, и Леша ему был так же смутно знаком, потому что глаза у человека забегали. Он попросил у Алексея документы на земельный участок, Леша сделал ответный выпад и предложил визитеру ознакомиться со свидетельством о праве собственности на павильон.

– Вы мне вашу зеленую бумажку не предлагайте, – подняв руки в защитном жесте, сказал лысый, – вы мне документы на землю покажите, и все.

– А вы, собственно, кто такой, чтобы я вам их показывал? – резонно осведомился Леша.

– А я, собственно, у вас ничего и не спрашивал, – нашелся владелец костюма, – это вы начали разговор, вы спросили, на каком основании я здесь нахожусь. Вот я вас и спрашиваю: а на каком основании вы здесь находитесь? Только и всего.

И тут Леша понял, в чем дело. Этот в дорогом костюме знает, что делает и о чем спрашивает. Земельный участок под своим павильоном Леша так до конца и не оформил. Если рассказывать эту историю, она окажется долгой, глупой и совершенно не красящей рассказчика. Полгода назад он, как последний дурак, решил воспользоваться тайной дружбой одного своего знакомого в Федеральной службе регистрации. Тот убеждал его, что эту самую зеленую бумажку – свидетельство о праве владения павильоном – можно получить еще до того, как он закончит оформление документов на землю. За деньги, конечно. И Лешка, как полный идиот, отвалил круглую сумму за госсвидетельство, которое имело законную силу до тех пор, пока никто не оспорил его в суде. Леша это знал, но не очень волновался, поскольку в Департаменте имущественных и земельных отношений у него был хороший выход на одного «решалкина», через которого за определенную мзду, согласно прейскуранту чиновничьих услуг, можно было решить любой вопрос. И если крупнейшие компании спокойно строят дома, не оформив должным образом всех необходимых разрешительных документов, то уж такому жалкому червяку, как он, это как-нибудь сойдет с рук. Кому он нужен, в конце концов? Леша просто не подумал, что сам-то он точно никому не нужен, а вот земля... Никто не мог предположить, что его участок вдруг станет таким востребованным.

Сообразив, что к чему, Леша ринулся в департамент, где его сомнения рассеялись окончательно и бесповоротно. Выправить документы, которые у него не в порядке, не получится.

– Дружище, ничем не обрадую, – с ходу заявил Лешин знакомец, – сейчас формируется участок под реконструкцию набережной, там очень серьезный завьяловский проект, ты, наверное, слышал. По твоему павильону готовят документы в арбитражный суд о сносе. Ты свои слабые места знаешь, ты с самого начала не совсем правильно все оформил, теперь твою «зеленку» через суд признают недействительной, и все.

– А участок под моим павильоном точно туда попадает, в эту зону реконструкции? – пытался ухватиться за последнюю ниточку Алексей.

– Непосредственно не попадает, – ответил молодой чиновник, – но он совсем рядом. Будет портить картину... Завьялов – человек непростой... Он же там планирует построить эллинг, вертолетный клуб, всякие шикарные штуки. Твой павильон ему будет нарушать элитный вид.

– Ты это точно знаешь? Конкурса ведь еще не было...

– Разговор в департаменте об этом уже идет, – пожал плечами чиновник, – а конкурса, может, и вообще не будет. Завьяловские люди от нас не вылезают, так что...

– А как же молодежный проект, который тоже активно обсуждался? – уточнил Леша. – Тот, что предусматривал строительство спортивного городка?

– Да, тот проект тоже серьезный, – подтвердил молодой человек, – и у него есть горячие сторонники среди высших чинов. Это проект Анциферова, я знаю, что он имел все шансы, но последнее время о нем нет ни слуху ни духу. Не знаю, в чем там дело, я тебе сказал только то, что знаю точно, – по твоему павильону готовят иск в суд.

– И что, это уже без вариантов? – Леша сделал жест, который символизировал внесение мзды.

– Не. Не рыпайся, не возьмут, – отрезал чиновник, – сейчас точно не возьмут. Вокруг этого дела много шума, Завьялов вхож к губернатору, ты знаешь. Если бы не это, вопрос бы решили без проблем. А так нет, не возьмут.

– Что же мне делать? – поникшим голосом спросил Алексей. – Не могут же человека просто так взять и выкинуть в никуда. Какое-то решение должно быть. Что ты посоветуешь?

– Почему не могут выкинуть? Очень даже могут. У тебя на Завьялова выходы есть?

– У меня нет.

– Значит, ищи, – посоветовал чиновник, – другого варианта я не вижу. Попробуй с ним как-то решить этот вопрос. Он, конечно, редкий сноб... Будет непросто, но попробуй, разжалоби, убеди, что твой павильон не будет мешать, или еще какой-то вариант решения найдите. Я даже не знаю, что тебе еще посоветовать. Если бы у тебя были безупречные документы, то можно было бы через суд, а так... Только пробовать договориться, другого способа нет.

– Ты же сам говоришь, что Завьялов сноб, – пожал плечами Леша, – разве с таким договоришься?

– По бизнесу человек он жесткий, так все говорят, – ответил собеседник, – но он же все-таки человек. Нельзя сразу отметать такую возможность, попробуй.

Когда Леша закончил свой пересказ разговора в департаменте, Элины глаза уже были полны слез. Это совсем не значило, что сейчас разразится буря, что она станет обвинять мужа в глупости и недалекости, рыдать и заламывать руки. Вовсе нет. Леша знал, что обвинений не будет. Да их он и не боялся. Он боялся этого взгляда, влажного и испуганного, полного слез, которые – он знал – так и не вырвутся наружу. У Эли было неважное здоровье, и когда по очереди, один за другим, умерли ее родители, она стала часто тайком бегать по врачам. Скрывала от мужа то, что, как она думала, можно было скрыть, но он-то знал, или он не чекист? Эля вообще была довольно мнительной, а когда Лешка вышел на пенсию, то особенно сильно волновалась: удастся ли ему найти себя в гражданской жизни, смогут ли они жить, не считая копейки? Потом оказалось, что смогли, что жизнь и после сорока может приносить радость. Они купили новую квартиру, Эля с большой любовью ее украшала, стараясь отвлечься от своего горя. Через год после смерти родителей она чуть-чуть успокоилась, понемногу стала отходить, занялась своей внешностью. Лешка старался радовать ее чем мог – возил в Европу, покупал подарки. Работу по специальности Эля давно бросила: все равно она не приносила денег, а Лешке надо было все время помогать, да и на то, чтобы новое жилье обустроить, тоже нужно было время. Какой-то своей, отдельной жизни у Эли не было. Она была частью жизни своего мужа, и ее настроение, здоровье, психическое и физическое состояние – все зависело от того, насколько хорошо все будет у Лешки. Он не имел права ее подвести! Не имел права разочаровать, заставить страдать от неизвестности. Эля уже привыкла к тому уровню жизни, который мог обеспечить Леша благодаря своему небольшому бизнесу, и больше всего Лешу волновал вопрос: что будет, если этот привычный образ жизни развалится? Если бизнес, который он выстраивал годами, вдруг рухнет? Что он скажет Эле? Как он сможет обеспечить ей

спокойную, безбедную жизнь? Больше всего он боялся не слез и истерик, он боялся, что на нервной почве у нее снова случится экзема и она перестанет спать ночами, что она будет тайком плакать, глотать таблетки и сидеть перед компьютером, изучая медицинские сайты. Что она опять замкнется в себе, перестанет смотреть в глаза... Все это уже было, и он очень не хотел повторения.

– Ну что ж, Лешик, наверное, он прав, этот твой «решалкин», придется тебе идти к этому самому Завьялову, – сказала Эля то, что так боялся услышать Алексей.

– Придется, – еще больше нахмурился он, – но это будет уже последний шаг. Если он мне откажет, больше никакие варианты в ход уже не пойдут. Это будет все, финиш. Понимаешь?

– Конечно, понимаю, – согласилась Эля, – но другого-то выхода нет.

Леша тяжело вздохнул и залпом осушил еще одну рюмку.

– Вот уж не думал, что на старости лет придется к баринам на поклон ходить, – выдавил он.

– Почему на поклон? – не согласилась Эля. – Не на поклон, а на деловой разговор. Это большая разница.

– Ты знаешь, что про него люди говорят? – горько ухмыльнулся Алексей.

После плохого разговора в департаменте Леша попытался найти знакомых, которые могли бы знать Завьялова лично, но все его попытки терпели неудачу. Одни сразу отрицательно качали головой, другие сначала морщили лоб, потом уж говорили «нет», третьи выдавали советы, кого бы лучше спросить на эту тему. Да, слишком высоко взлетел Валерий Иванович, на кривой козе к нему не подъедешь. Леша попробовал поговорить с одним знакомым депутатом областной думы, может, по этой линии удастся к нему подобраться, все-таки Завьялов тоже депутат. Знакомый выслушал Лешину проблему и только усмехнулся. Не из той породы Завьялов, чтобы менять свои бизнес-планы, таково было его мнение. Если бы его надо было попросить о какой-то услуге другого характера – человека на работу взять или квартиру продать со скидкой, он бы не отказал. А если дело касается бизнеса, он и слушать никого не станет. «Завьялов не человек – трактор. Куда ему надо, туда и прет», – заключил коллега олигарха по депутатскому корпусу. Но больше Лешка боялся даже не этого: не того, что Завьялов окажется снобом и черствым человеком, он боялся, что тот окажется хамом. Терпеть хамства в свой адрес он совершенно не мог, просто не выносил. У него мгновенно скручивало внутренности, туманилось в голове, и если кто-то его обхамил или унизил, Леша терял контроль над собой. Он не знал слов, которыми нужно отвечать хаму, и эта растерянность многократно усиливала гнев. Конечно, он не дошел бы до крайней черты, но врезать обидчику по морде мог, причем легко. И такое уже случалось.

Эля на пересказ Лешиных переговоров только пожала плечами:

– Завьялов просто поднялся очень высоко, вот люди ему и завидуют, – сказала она, – про успешных людей всегда много всякой гадости говорят.

– Ну да, а на самом деле он беленький и пушистый зайчик, – усмехнулся Леша.

– Ну зайчик, конечно, вряд ли, – не унималась Эля, – но кто сказал, что он обязательно чурбан бесчувственный? Его ж никто толком не знает. И потом, если он сделал такой большой бизнес, у него наверняка хорошая деловая репутация. Не будет он ее о тебя пачкать. Что-то мне подсказывает, что не будет.

– Лисичка, ты просто хочешь, чтобы у нас все было хорошо, поэтому воображаешь себе какого-то идиллического олигарха, – вздохнув, произнес Леша, – а таких не бывает.

– Лешик, но все равно ведь другого выхода нет, – подытожила Эля, – нет никакой другой возможности избежать неприятностей. Никакой, понимаешь? Значит, надо пробовать. В конце концов, ты умеешь производить приятное впечатление на людей...

Эля понимала мужа. Он офицер, подполковник. Его менталитету невыносима сама мысль о том, что придется к кому-то идти на поклон. Сняв погоны, он не сразу смог перестроиться,

этот процесс дался ему с большим трудом, и сейчас она понимала, какая в Лешке идет внутренняя борьба, какие чувства в нем бурлят. Она все понимала, но другого совета у нее было.

Надевать костюм в летнюю жару Леша отказался категорически.

– Я что, к Путину иду, что ли? – возмущался он. – Никаких костюмов! Погладь мне рубашку в полоску, я в ней пойду.

Эля послушно взялась гладить рубашку, летние брюки тоже желательно подгладить, а Лешка все кипел и шипел.

– К нам в контору пройти было легче, чем в эту фирму долбаную, – вещал он, намекая на свое бывшее место службы.

Накануне он сделал пробную вылазку, убедился, что на проходной офиса группы компаний «Технологии роста» имеется охрана, которая никого ни к кому не пускает без приглашения изнутри здания. А уж чтобы пройти к главному боссу, и мечтать нечего было! Общим порядком нужно сначала прорываться к юристам, объяснять суть вопроса, после чего его выпроводят, так и не дав объяснить суть проблемы самому Завьялову. Тут и пригодился знакомый депутат, он позвонил Завьялову, попросил принять человека, не объяснив сути его обращения, на что Завьялов ответил:

– У меня завтра сложный день, и как он сложится, я пока и сам не знаю. Пусть он ловит меня завтра с самого утра, часов около десяти.

Лешкин знакомый назвал его фамилию, Завьялов продиктовал ее секретарше для передачи на охрану.

Всю ночь Лешка ворочался, потел, хлебал воду. Он то засыпал, то просыпался посередине нехорошего сна. Эля и вовсе глаз не сомкнула.

В половине десятого он, одетый в модную рубашку, купленную в Мюнхене, и белые летние брюки, стоял у порога офисного особняка. Здание было построено на высокой точке, и видно его было издалека, даже с левого берега. Лешка давно обратил на него внимание, но не знал, что в нем находится. Строение было строгим, без нуворишеских излишеств, без безвкусной помпезности, но очень дорогим. Это было видно даже Лешке, который и строил-то за всю жизнь один свой павильон. В окнах первого этажа маячили финиковые пальмы, входная группа была из великолепного дуба. От его задней стены начинался спуск к Вознесенской набережной, а фасадом строение выходило на одну из тихих центральных улиц. На ней каким-то чудом еще уцелели несколько домов старой постройки, стыдливо прячущихся в густых зарослях сирени и раскидистых деревьев. Эту замечательную историческую улочку уже давно заметили любители делать бизнес в тишине. Здесь располагались сразу несколько богато отделанных офисных зданий, большой жилой комплекс. От стоящего поодаль завьяловского офиса их отделяли какой-то коммерческий институт и налоговая инспекция. «Технологии роста» были последним строением на этой улице. Леша представил себе, что кабинет босса, наверное, расположен в задней части и выходит окнами на набережную. Наверное, в этом самом кабинете лицезреющий окрестности олигарх и затеял свой новый крупный проект. Лешка живо представил себе этот момент – массивную, с обязательным пивным животом, фигуру миллионера, держащего в руке, украшенной бриллиантовым кольцом, дымящуюся чашечку элитного кофе и хищно оглядывающего площадку своей будущей деятельности, – и содрогнулся. Он взглянул вниз и увидел вдалеке свой павильон. Интересно, думал ли в тот момент большой человек о том, что этот павильон дает кому-то пропитание, хлеб насущный? Или для него это только песчинка, которую нужно смахнуть, чтобы начинать проект с чистого листа?

Алексей вошел в здание, не дав зарождающемуся гневу сформироваться и превратиться в непреодолимое препятствие для дальнейшей беседы.

Охранник сверился со списком и показал Леше, куда нужно идти, чтобы попасть в приемную руководителя. Офис был прохладный, просторный, светлый. Отделан очень дорого, можно

даже сказать, шикарно, в коридорах не было суеты, лишь периодически из двери в дверь скользили хорошо одетые сотрудники. Леша поднялся на второй этаж и оказался перед большим холлом, попасть в который можно было, преодолев пару ступенек вниз. По правую и по левую сторону от холла шли коридоры с рабочими кабинетами. Холл и был приемной. В нем имелось все, что полагалось иметь приемной большого руководителя: кожаные диваны и кресла, пальмы, плазменный телевизор, огромный аквариум. Приемную делили между собой несколько руководителей: кабинетов с табличками было три, а секретарских столов два. Значит, одна помощница обслуживает двух боссов поменьше рангом, а другая, та, что сидит в глубине, у самого окна с панорамным видом, личная помощница Завьялова. Окно, кстати сказать, было выдающееся, во всю стену, и вид из него, как и угадал сразу Алексей, был на набережную.

Леша прошел к столу секретарши и встретил совершенно неуместную по деловому этикету улыбку во весь рот.

– А я думаю, тот это Алексей Трепачев или не тот, – сказала помощница и еще шире улыбнулась, – оказалось, тот.

Ох ты господи, а ведь он ее даже не сразу узнал! Аленка Наливайченко, соседка по старому дому, где они с Элей когда-то жили, вот дела! Давненько он ее не видел.

– Валерий Иванович сейчас подъедет, его уже финансовый директор искала, – заговорщическим тоном объяснила Алена, – но я тебя первого запущу, потому что если она войдет, то это будет уже надолго. Присаживайся, я кофе тебе сделаю.

– Не беспокойся, Алена, не надо, – остановил ее Леша, – просителям кофе, наверное, не положен.

– У нас всем положен, – отрезала Алена и отошла к кофемашине.

– Расскажи лучше, как ты здесь оказалась, – спросил Леша, чтобы как-то отогнать охватившее его волнение, – как живешь? Никто тебя больше не обижает?

Алексей помнил Аленку по тем временам, когда они с Элей жили в двухкомнатной съемной хрущевке на улице Чайковского. Рядом с ними обреталась молодая семья – Рома и Аленка. Рома с курьерской скоростью катился по наклонной плоскости. Сначала Лешка замечал, что в отсутствие жены к молодому мужу заходили веселые девицы. Через стенку было слышно, как в соседней квартире смеются под рюмочку, а потом занимаются любовью. Со временем Рома стал пить все чаще и напиваться все сильнее. Бедная Аленка стала прибегать к Эле в поисках убежища: когда Рома скандалил, дома находиться было невозможно. Иногда Лешка сам заявлялся к буянному соседу, когда через стенку слышал Аленыны истерические всхлипы и шум падающей мебели. Несколько раз ему приходилось даже успокаивать разгулявшегося соседа, применяя физическую силу, впрочем, до серьезного дела не доходило: Рома своего соседа из органов боялся и связываться с ним не стремился. Уже перед самым разводом Алене даже приходилось у соседей ночевать: ни Эля, ни Леша не могли оставить беззащитную девушку наедине с пьяным хулиганом. В том, что у Аленки проснулся разум и она бросила своего спивающегося мужа, была Элина заслуга, она не раз проводила с соседкой беседы о том, что терпеть такое отношение к себе невозможно и подобную семью называть семьей нельзя. Стыдно и унижительно. А Леше пришлось рассказать Алене о визитах к ее мужу различных девиц. Пусть ей будет больно один раз, а не всю последующую жизнь. Алена оставила в памяти Лешки очень теплое воспоминание: когда Эля сломала ногу и сидела в гипсе, Алена очень ей помогала. Готовила обед, гладила вещи, бегала в магазины. Эля будет рада, когда Леша расскажет ей, что видел бывшую соседку в добром здравии и прекрасно выглядящей. А Аленка действительно выглядела очень хорошо. Он помнил ее более молодой, но тогда она была не такая. То есть и раньше она была симпатичной девочкой, с длинным пышным каштановым хвостом, живыми озорными глазками, аккуратным носиком и чуть вздернутой верхней губкой, придающей лицу пикантность. Но тогда она была какая-то слегка замухрышистая, ходила в простых майках и дешевых джинсах. Она напоминала Леше какой-то красивый дикорастущий цветок. Сейчас

Алена выглядела молодой ухоженной женщиной со свежим цветом лица, элегантной прической. На ней был легкий прозрачный шифоновый кардиган, надетый поверх черного топака. Никаких украшений, умеренный макияж, но кардиган был дорогой, сразу видно. На вопрос, зачем Леша пожаловал к боссу, он отмахнулся: мол, долго рассказывать, но дал бывшей соседке визитную карточку со своими телефонами, чтоб позвонила как-нибудь, зашла в гости – Эле будет приятно. Ровно в десять в приемную вошел Завьялов. Вопреки Лешиним ожиданиям, на нем не было строгого костюма и обязательного галстука – на Валерии Ивановиче была светлая льняная рубашка в коричневую полосу средней толщины, светлые брюки и шикарные туфли из крокодиловой кожи. В правой руке он держал телефон, бриллиантового кольца на пальце вопреки Лешиним ожиданиям тоже не было. Выглядел Завьялов весьма молодо, никакого пивного живота, никакого второго подбородка. Он был среднего сложения с легкой проседью в темных выющихся волосах.

– Вы ко мне? – спросил он Лешу и, не дожидаясь ответа, обратился к Алене: – Пусть ко мне Пригожина зайдет.

– Хорошо, Валерий Иванович, сейчас я ей позвоню.

Завьялов сделал Алексею приглашающий жест и следом за ним сам вошел в свой кабинет.

Леша решил, что представиться нужно по всей форме, чтобы большому человеку сразу было ясно, что перед ним не проходимец какой-нибудь, не рвань с улицы, что он офицер запаса, уважаемый человек. Для этой цели такие же как он, Лешка, офицеры, вышедшие на пенсию, создали свою общественную организацию, назвали ее красиво – «Вымпел», заказали визитные карточки. Каждый, кому было надо, придумал себе какую-то должность, типа «сопредседатель» или куратор «чего-то там». При необходимости визитные карточки доставали, чтобы вот как сейчас, по-быстрому, объяснить нужному человеку, кто есть кто.

Завьялов быстро взглянул на карточку, похоже, зацепив взглядом только имя визитера, а логотип «Вымпела» ему, видимо, приходилось видеть уже не раз.

– Что вас привело ко мне? – обратился он к Леше без тени чванства и снобизма. – Я могу чем-то помочь вашей организации? Присаживайтесь, пожалуйста.

Леша поерзал на стуле. Неужели люди ошибались, а Элька была права? А вдруг он и правда никакой не сноб и не трактор, а нормальный мужик? Во всяком случае, внешне он очень приятный, бриллиантов не носит, глаза у него умные, внимательные. На стене интересная картина, начальники в своих кабинетах такие обычно не вешают. Жаль, что нет возможности ее рассмотреть, но в примитивистской простоте ее есть что-то такое живое, такое дергающее за душу...

– Видите ли, Валерий Иванович, – еле оторвавшись от полотна, начал Леша, – я к вам по вопросу, касающемуся проекта реконструкции Воскресенской набережной.

– Да-да, есть такой проект, большой проект, интересный. – Завьялов кивнул в сторону, и Леша, проследив за его взглядом, увидел на стене приколотую к большой рабочей доске цветную план-схему, выведенную на принтере. Рассматривать ее было некогда, сейчас у Завьялова кончится отведенное на визитера время, и он спровадит визитера, не удосужившись выслушать его доводы. Тем более на картинке все равно было непонятно, где то самое место, на котором стоит его павильон.

– Я даже не сомневаюсь, что будет красивый и нужный городу проект, – экономя время, забубнил Леша, – но есть проблема. На набережной находится павильон «Скорость», это мой павильон. И я, если честно, очень боюсь, что ваш проект затронет и эту часть набережной. Ну ту самую, где располагается мой павильон. Вот по-этому я хотел бы узнать, какие у вас планы в отношении этой территории, затронет ли ее ваш проект и какие последствия это может иметь для меня.

По лицу Завьялова скользнула тень удивления, но потом его лицо разгладилось и губы скривились в легкой усмешке.

– Так вот оно что! – буркнул он. – А мне не сказали, по какому вы поводу, и я сразу, признаться, не понял.

– Я по поводу дальнейшей судьбы своего павильона, – выдохнул Леша, – мне нужно знать, затронет ли ваш проект мою территорию.

– Мой проект затронет территорию всей набережной, – отрезал Завьялов, – всей абсолютно, он предусматривает еще отдельный проект благоустройства, так что никаких павильонов там не будет. Я вам говорю это сразу, чтобы вы не питали лишних иллюзий на этот счет.

– А как же быть со мной? – сквозь комок в горле проговорил Алексей. – Я же строил этот объект, вкладывал в него деньги. Этот объект кормит мою семью, в конце концов.

– Город большой, придется перенести его в другое место, – невозмутимо ответил Завьялов, – мне жаль, что я наступаю на ваш интерес, но это неизбежно.

Он встал, сунул руки в карманы брюк, подошел к большому панорамному окну.

– Вы видите, как развивается наш город? – не спросил – сказал он, будто выступал в Думе. – Вы подъехали к моему офису из центра?

– Да, – ответил Алексей, в мозгу которого билась одна только мысль: раз он со мной разговаривает, значит, не все еще потеряно.

– Вы видели, сколько здесь построено красивых зданий: офисы, жилой комплекс такой хороший... – Завьялов секунду помолчал. – А вокруг что, не заметили? А вокруг черт-те что! Хибары какие-то стоят, дом какого-то доисторического купца... Я не против памятников истории, но их надо реставрировать, а денег на это сейчас нет. У нас, как в «Бриллиантовой руке», можно читать лекцию про город контрастов. Я категорически против этого. Если браться что-то капитально реконструировать, то нужно облагораживать всю территорию, какую охватывает глаз. А то у нас понастроят – на одной стороне улицы барак позапрошлого века, на другой – офис с атлантами и кариатидами. Безвкусица и позор!

– Я бы с вами согласился на сто процентов, если бы в данном случае речь не шла о моем бизнесе, – встрял Леша в монолог хозяина кабинета. – Валерий Иванович, вы серьезный бизнесмен, я всего лишь мелкий предприниматель, но суть и вашей, и моей профессии одна та же. Мы оба бизнесмены, просто разного уровня. Я прошу вас понять меня и услышать: это мой бизнес, реализация вашего проекта лишает меня моего бизнеса.

– Ну почему же лишает? – изумился Завьялов. – Вам, конечно, придется вложить силы в новое строительство, но уж не обессудьте, это уже принятое решение, и оно не будет изменено. А чтобы вы финансово не пострадали, вы должны предоставить мне подробную калькуляцию ваших затрат. Или сделаем еще проще: вы мне скажете цену вашего объекта, и я у вас его куплю. Да, вам придется переехать в другое место, но у вас будут на это средства. Обо мне говорят, что я излишне жесткий в бизнесе человек, но уж такой я есть. Но что я кидала – такого вам про меня никто не скажет.

– Это деловой подход, – дрожащими губами выговорил Леша, который уже готов был заплакать от радости, – даже не просто деловой, а государственный. Жаль, что не все депутаты такие, как вы, Валерий Иванович.

– Да бросьте вы, – отмахнулся Завьялов, – выбирайте себе место, если будет проблема с выделением земли, скажете мне, я дам вам человека, он поможет сократить бюрократический путь.

– Спасибо, – проговорил Леша, которому разросшийся в горле комок уже не давал не то что говорить – дышать.

– Не за что, – ответил Валерий Иванович, – я сейчас дам команду своему специалисту, вы сформулируете свое предложение, исходя из реальной рыночной цены своего объекта и с учетом того фактора, что мы на некоторое время лишим вас возможности работать и зарабатывать. Эту цифру вы совместно с ним выведете и придете к окончательной цене. Вот такой алгоритм я вам предлагаю. Так что готовьте все документы на ваш павильон: землеотводные

бумаги, свидетельство о регистрации, словом, все, что составляет полный пакет документов. Со специалистом, которого я вам назначу, вас познакомит моя помощница в приемной, я сейчас распоряжусь. Всего вам доброго и успехов на новом месте.

– Одну минуту, Валерий Иванович, – едва слышно вымолвил Алексей, у которого внезапно земля зашаталась под ногами, – одну минуту... Я вас не задержу долго. У меня есть одна проблема.

– Какая? – вскинул брови олигарх.

– Дело в том, что документы на землю, они не в полном порядке, – прошепестел Леша, – свидетельство о регистрации собственности у меня есть, а отводные документы не совсем готовы. На тот момент, когда я узнал о вашем проекте, они еще были в работе, а теперь движение по ним заморозили...

Завьялов замер посреди кабинета.

– То есть как это? Такого не может быть! Поезд не бежит впереди паровоза, – усмехнулся он, – у вас не может быть «зеленки», пока с документами по земле не все в порядке. На каком основании вам ее выдали? За взятку, что ли?

До Леша стало доходить: если в департаменте уже готовят иск о признании его «зеленки» недействительной, то и Завьялов должен об этом знать, он может не вдаваться в подробности, но, во всяком случае, он должен знать, что территория чиста. Неужели он разыгрывал перед ним комедию? В груди начало разливаться предательское тепло – верный признак надвигающегося гнева.

– То есть вы хотите мне сказать, что у вас нет документов на объект, который вы считаете своей собственностью? – продолжал Завьялов. – Позвольте, но что же тогда я должен у вас купить? Как вы себе это представляете? Вы бы стали покупать ворованную вещь?

– Но я же ничего ни у кого не украл, я вкладывал туда свои деньги, – онемевшими губами проговорил Алексей.

– Не украли, так взятку дали, одно другого не лучше, – с брезгливостью в голосе подытожил Завьялов.

– Так вы же наверняка знали, что у меня с документами не все в порядке, зачем же тогда?

Завьялов посмотрел на Лешу внимательно, а потом сказал неожиданное:

– Вы знаете, Алексей, я ведь не всегда был хорошим мальчиком. Когда я начинал бизнес, мало кто избежал того, чтобы слегка измазать белые перчаточки. В белых перчаточках тогда ничего не получалось, понимаете? Как же вам не понимать, если вы в органах работали. Где именно? Хотя какая разница...

Завьялов раскраснелся, отошел к окну, а когда повернулся к Леше, его лицо исказила гримаса:

– Так вот, когда я был плохим мальчиком и что-то делал не так, – продолжал он, – ваши коллеги приглашали меня к себе в кабинеты, трясли, угрожали, запугивали, чего-то от меня хотели, всю душу из меня вынимали. И даже разоряли меня – такое тоже было. И им было плевать. Плевать, что у меня жена болеет и ребенок маленький. Они учили меня, что жить надо по закону. Давайте подытожим: я науку усвоил. Теперь я по закону живу, так, как они от меня хотели. Но теперь и вы будьте любезны жить по закону! По закону, понятно?

Леша вылетел из его кабинета до того, как инстинкт продиктовал нанести удар. В голове, в горле, во всем теле отчаянно пульсировала кровь. Таким униженным он еще не чувствовал себя никогда! Ни одно откровенное хамство не могло сравниться с отповедью, которую он сейчас прослушал. Он не смог сесть за руль, потому что руки дрожали, как у больного. Он захлопнул дверь машины и с силой ударил кулаком в дерево, потом еще и еще... Рука уже была вся в крови, когда он наконец увидел кровь на белых штанах. Только тогда он остановился, накинул на раненую руку носовой платок, сел в машину и поехал в травмпункт.

Алена даже представить себе не могла, зачем мог бы приходить к ее боссу бывший сосед, но то, как он вылетел из кабинета, ее поразило. Пунцовый от ярости, с перекошенным лицом, он пролетел через приемную вихрем, даже не попрощавшись с ней, хотя до визита к Завьялову был, похоже, искренне рад встрече. В кабинете явно что-то случилось, и Алена могла только догадываться, что именно. Два дня назад она сама побывала в шкуре соседа Леши, так же выскакивала из кабинета, давясь слезами, которые никто не должен был видеть. И долго потом сидела в туалете, чтобы никому не попадаться на глаза в заплаканном виде.

Алена не сказала Динке, потому что незачем. Все было так давно и вряд ли теперь имело хоть какое-то значение. Но все-таки было. Алена знала Валерия Завьялова. Вернее, не то чтобы знала, но была знакома, а связывал их только один эпизод, которому уже много лет.

В то время Алена, молодая, бойкая девчонка, была еще замужем за своим Ромой. Брак успел дать трещину, Рома уже показал себя перед женой во всей красе, но она была все еще в него безнадежно влюблена. С Валерием Завьяловым они столкнулись в одной компании, куда был приглашен Рома, потому что в тот период работал над какой-то передачей, в которой фигурировал Завьялов. Аленка увязалась за мужем на какую-то базу отдыха, где предполагались шашлыки. Завьялов тогда еще не стал тем, чем является сейчас, но и тогда он уже был заметным бизнесменом, интересовался политикой, финансово поддерживал только что созданное региональное отделение «Союза правых сил». Он был хорош собой и, судя по поведению, у женщин отказа не знал. На той вечеринке Рома, как всегда, улюкался раньше всех. На жену он не обращал никакого внимания, шашлыки только попробовал, но почти не ел, в основном пил и балагурил с коммерсантами и «правыми», которые тоже там были. Зато Завьялов обратил на Алену внимание практически сразу, посылал ей томные взгляды, острил и многозначительно трогал за локоть. Напоить Рому до бесчувствия ему не составило никакого труда, и когда мужа уложили в какой-то комнате отдыха, Валерий активно принялся за его жену. Он был очень настойчив, но Алена, хоть и сильно тогда обиделась за Рому, не поддалась. Помнится, Завьялов затащил ее в какое-то помещение, жадно целовал, шептал что-то нежное, а когда стал раздевать, Алена опомнилась и вырвалась. Напоследок Валерий сказал ей, усмехнувшись:

– Твой алкаш Рома лучше меня? Чем, интересно? Ты просто глупая девчонка и еще не раз пожалеешь о своем отказе. Ты мне и правда очень понравилась, сегодняшний вечер мог изменить всю твою жизнь.

После этих слов он отпустил ее, и Алена бросилась бежать.

Потом она не раз вспоминала слова своего случайного поклонника. Ее жизнь действительно могла сложиться иначе, если бы она умела выбирать мужчин. Но она не умела...

С момента своего прихода на новую работу Алена только и думала: узнал ее Завьялов или нет. Она, конечно, изменилась, но не настолько, чтобы стать неузнаваемой. Она разузнала, почему уволили ее предшественницу, и оказалось, что девушку выставили за дверь за то, что она накачала губы силиконом. Оказалось, Завьялов этого органически не выносил. Он ничего не сказал своей помощнице, просто вызвал начальника службы по работе с персоналом и велел убрать резиновую куклу из его приемной. Помощница ему нужна была серьезная и скромная, но Алену взяли не потому, что она соответствовала этим качествам, а потому, что о ней попросила Динка. Видимо, Динке Завьялов не отказывал ни в чем.

Алена стала часто видеться с Динкой и все чаще задумывалась: почему так по-разному сложились их судьбы? Динка, конечно, красавица и умница, но этого мало – Алена знала по себе, она тоже не глупая и тоже хороша собой, но толку-то что? Почему Динка порхает по жизни, как бабочка, нежная и яркая, а Алена плетется, как тощая хромая кляча? Они обе были замужем, но Динка вышла из своего замужества с греющим душу банковским счетом, а Алена с сотрясением мозга. Из второго замужества Алена тоже неслась сломя голову, а умная Динка замуж больше выходить не стала. Ее носило по миру налегке, ее никто и ничто не могло

удержать: ни профессия, ни привязанности, ни меркантильные интересы. Она владела тремя языками и с первым мужем познакомилась во Франции, когда искала работу в какой-то галерее. Через несколько лет муж увлекся молоденьким сербом, но он все же испытывал определенную ответственность за свою изменившуюся ориентацию и с Динкой расстался по-дружески, пополнив ее банковский счет кругленькой суммой. После развода Динка долго отходила, моталась по миру, а потом подалась в Москву, но была разочарована этим городом, вернее, огромной, бессмысленной, алчущей толпой людей, одержимых погоней за деньгами и престижем. Люди были тупые, примитивные, их не интересовало ничего, кроме стремления попасть в число медийных персон, и на этом пути они безжалостно ломали и сметали друг друга, уродовали и калечили. Ей стало противно и скучно, и она вернулась домой, откуда через недолгое время ее выманил новый роман, новое приключение. На его излете Динка познакомилась с Завьяловым. Случилось это прошлым летом на Сардинии. Он был с дамой, она еще барахталась в остывающем романе с богатым плейбоем, но оба сразу поняли, что это знакомство не случайное и продолжение будет. На сей раз Динка вернулась домой, имея определенную цель: она расставила силки и поджидала добычу. В этом ожидании она поселилась в новом красивом доме, обустроила гнездышко и стала ждать, когда паучок доберется до сплетенной ею паутины. А уж когда доберется, обратного хода ему уже не будет.

На работу Динка не ходила, но деньги зарабатывала – продавала картины современных художников. Муж-изменник оказал ей неоценимую услугу, когда ввел в круги европейской богемы, перезнакомил с художниками, галеристами и потенциальными клиентами – богачами, интересующимися живописью, а также выскочками, думающими, что приобретение предметов искусства даст им пропуск в общество, в которое они стремились попасть. Все эти связи работали и приносили свои плоды. У Динки все получалось легко, ее все вокруг любили и считали за удовольствие иметь дело именно с ней. В ее доме все было баснословно, по меркам Алены, дорогим: и стильная мебель, и арт-украшения. От Динкиного гардероба Алена вообще долго не могла прийти в себя. Когда подружка снаряжала ее на новую работу, она подарила ей несколько красивых, очень элегантных вещей, на всех были бирочки известных фирм, которых Алена раньше даже и в руки никогда не брала: Trussardi, Moschino, Roccobarocco, Rykiel. Ей было страшно неловко, когда Динка предложила ей все это в подарок, но когда поняла, сколько у нее всякого подобного добра, не стала отказываться – Динка отдает не последнее. Динка вообще вела какой-то эльфийский образ жизни. Она не ела продуктов, которые ели все, не пила того, что все пьют. Иногда она готовила сама, если можно назвать готовкой в российском понимании этого слова процесс установки в духовку жарочного подноса с перепелками или рыбой. Креветки, обезжиренные сыры, овощи и фрукты – это был ее обычный рацион. Никаких супов, картошек, сосисок и тому подобного. Пила Динка только французское или итальянское шампанское. Или сухое красное вино, тоже, конечно, не абы какое. Бывая в гостях у подружки, Алена много чего напробовалась такого, чего раньше никогда в жизни не ела и не пила. В какой-то момент ей стало безумно интересно посмотреть на Динкиных мужчин, благодаря которым она имела такую легкую жизнь, и подруга хоть и неохотно, но показала ей свой архив фотографий. Мужчины у нее были разные: и молодые, и постарше, и с разными типами внешности. Но все как один – холеные, изысканные и эффектные, как кинозвезды. Фотографий было много: из Парижа, Венеции, Монте-Карло, с Сардинии, греческих и Сейшельских островов... Дальше Алена смотреть не стала, желудок сжался в комок, к глазам подступили слезы. Она в своей жизни дальше Геленджика никуда не ездила.

В какой-то момент Алену начало жечь изнутри какое-то новое и очень болезненное чувство. Раньше она жила бедно, скучно и трудно, но и внутри у нее была тишь да гладь. Душа ее была как голая степная земля – промерзшая и безжизненная. Все живые соки из этой земли уже выжали, оставили только гуляющий поверху ветерок, прозрачный, бесплодный, неспособный пробудить даже воспоминания. С возвращением в ее жизнь старой подруги что-то случилось

у нее внутри. Там стало ощущаться и колотиться острыми иглами какое-то чувство, от которого вся душа пришла в движение. Движение было мучительным, болезненным, но оно пустило по венам кровь, заставило ее заволноваться и чего-то отчаянно захотеть. Чего? – спрашивала себя Алена. И сама себе отвечала: жизни.

Она вдруг очень четко осознала, что совсем-совсем еще не жила и все ее безумные влюбленности были каким-то сплошным недоразумением. Ей стало стыдно за них, за все оптом: за доктора, который дразнил ею свою жену, за алкаша Рому, за второго мужа, психопата, за многочисленных любовников, каждый из которых оторвал частичку ее души, ничего, ровным счетом ничего не дал взамен. В какой-то момент Алена испугалась своих чувств. Да ты завидуешь, сказала она себе. Ты тупо, пошло и банально завидуешь своей подруге! Отрицать это было бессмысленно: Алена тоже хотела красиво одеваться, жить среди дорогих вещей, отдыхать на Сейшельских островах и пить итальянское проссеко. Но дело было не только в этом. Она вдруг почувствовала, что хочет жить, что она задыхается в своей однокомнатной квартире, что не может больше слышать голос мужчины, с которым изредка отправляла «естественные физиологические надобности», не хочет больше разговаривать с подружками о ценах на гречку и тупых начальниках. Не хочет! Но больше всего ее мучил вопрос: чем Динка лучше ее? Почему она, Алена, привлекает только никчемных голодранцев, а Динку любят состоявшиеся в жизни мужики? В чем их разница?

И Алена совершила глупый, бессмысленный, постыдный поступок. Какие бесы ее разожгли, какие черты толкнули? Как они вытянули из нее эти слова, неизвестно, но, войдя по служебной необходимости к Завьялову, она взяла и прямо, без всяких обиняков и недомолвок, спросила, помнит ли он их первую встречу. Ту самую, которая была много лет назад. Завьялов опешил, но только на мгновение – такого человека не просто выбить из колеи даже и такой дурацкой выходкой, – потом усмехнулся, и стало понятно, что помнит. И Алену он узнал, тут даже сомневаться не приходится.

– А что, – спросил Валерий Иванович, – ты передумала?

Тут настал черед Алены застыть столбом. Она окаменела, не в силах произнести ни слова, а Завьялов подошел к ней и, улыбаясь в лицо, спросил:

– Ну что, прав я тогда был? Сам вижу, что прав.

Он вернулся за свой стол, сел и продолжил:

– Мне Дина сказала, что ты ее подруга, а ты вот, значит, как распорядилась ее дружбой... Думаешь, мужика у нее из-под носа увести?

– Я ничего такого не думала, – вспыхнула Алена, – я просто спросила, хотелось знать, изменилась я или нет...

– Все ты думала, – махнул рукой в ее сторону Завьялов, – думала, почему она, а не я? Поздно ты об этом задумалась. Такие дурочки, как ты, проматывают свою молодость, растрачивают свою красоту на дураков и алкоголиков, а потом спохватываются: ай-яй-яй! Почему другим все, а мне, бедной, ничего? Да потому что вы дуры, бестолковые дуры. Мозгов у вас нет, в этом вся причина.

Слезы закипали у Алены в глазах, но она, словно оцепенев, не могла даже пошевелиться.

– Скажи спасибо, что я не стану передавать Дине то, что ты сейчас тут устроила, – заключил Завьялов, – она о тебе такого высокого мнения, не хочу ее расстраивать.

Он опустил голову и уставился в лежащие на столе бумаги, а когда Алена на негнущихся ногах уже поплелась к выходу, снова поднял голову и решил добить ее окончательно:

– Знаешь, почему одних кошек пускают к себе в постель и кормят кроличьей печенкой, а других держат на улице на обедках? Думаешь, все дело в породе? Нет! Дело в самой кошке, в том, чего она сама хочет. Ты хотела быть шавкой, ты ею стала, все претензии к самой себе, никто тебе не виноват.

С момента этого разговора прошло два дня. Сначала Алена думала бежать из конторы куда глаза глядят, лишь бы не видеть ненавистную рожу Завьялова. Сказать ему что-нибудь напоследок гадкое, да при всех, чтобы хоть как-то ему отомстить, чтобы он не думал, что он может безнаказанно унижать людей. Но очень скоро Алена взяла себя в руки. На следующий же день некое событие заставило ее кардинально пересмотреть свой взгляд на предмет. И теперь она крутила в руках визитку, которую оставил ей бывший сосед Леша, замечательный, кстати, мужик. Сейчас она позвонит ему и попросится прийти в гости. Не просто так, а для серьезного разговора.

Как бы душевно они посидели, если бы не мрачное настроение в семье Трепачевых и не ее, Аленины, кипящие яростью внутренности! Эля нажарила отбивных котлет с чесночком, сделала овощное рагу, поставила на стол бутылочку. Леша пересказал свой разговор с Завьяловым дословно, глотая, чтобы не прорвались наружу, матерные ругательства. Аленка все честно рассказала про себя.

– Ну и гнида же этот ваш Завьялов, – подытожил Лешка, – сказал бы сразу: нет, мол, иди отсюда. Так начал же мне песни петь, как он мой павильон купит! Как будто ему не доложили, что земля свободная! Ему надо было поглумиться над человеком, утонченно поиздеваться, чтобы я, офицер, стоял перед этой мразью, как засранец какой-то. Ненавижу! Сука...

Леша встал из-за стола, Эля тоже обеспокоенно заерзала:

– Леш, ну сколько можно! Не мотай себе нервы, все равно уже ничего не исправишь.

На кухне воцарилось тягостное молчание.

– Исправишь, – неожиданно нарушила его Алена, – все еще можно исправить.

– Да брось ты, – отмахнулся Леша, – ты что, не видишь, что он за человек? Хозяин жизни! Он вершит судьбы людей, как он сказал, так и будет. Для него люди – мусор под ногами. Народный избранник... таких избранников... – дальше шло матерное высказывание, произнесенное едва слышно, чтобы не оскорбить женские уши.

– Переубедить его, конечно, не получится, – согласилась Алена, – не тот случай. Я имею в виду другое. Его можно наказать.

– Как это? – нахмурился Леша. – Ты выбрось это из головы! Ну удовлетворишь ты свой гнев, и что? Мне от этого новый павильон не построится, да и тебе легче не станет.

– А ты что, думаешь, что я предлагаю ему морду набить? – с таким напряжением в голосе спросила Алена, что Леша невольно дернулся.

– Эй, девочка, полегче, – остановил ее он, – ты смотри, ни при ком другом не ляпни, что ты ему отомстить хочешь. А то знаешь что за такие дела бывает?

– Ты что ж, подумал, что я тебе убить его предлагаю, что ли? – вдруг осененная догадкой, засмеялась Алена. – Нет, я предлагаю другое. Готов выслушать?

– Хватит уже загадками говорить, ну что ты, ей-богу, – отмахнулся Леша, – уже не девочка, взрослая тетя, должна отвечать за слова.

– А я и отвечаю, – сказала Алена, – садись и слушай.

Леша покорно сел за стол, Эля тоже подалась вперед.

– Вчера так случилось, что я подслушала его переговоры, – сказала Алена, – он, правда, об этом даже не догадывается. Он выходил поговорить на балкон, который в его кабинете, а у меня была приоткрыта одна створка окна, хотя вообще-то такого никогда не бывает. Просто я вчера пролила смывку для ногтей под свой стол и решила немного проветрить. Так что я услышала совершенно случайно.

– Что ж ты услышала? – в нетерпении спросила Эля.

– У нас в офисе крупная сумма денег, – начала Алена, – очень крупная. Вы слышали, что проект реконструкции набережной сначала предлагал Артем Анциферов? Так вот, Завьялов

договорился с ним о том, что тот отзовет свой проект. Короче говоря, он дает ему отступного. Много. Миллион долларов.

Эля и Леша недоуменно переглянулись.

– И что? – пробормотал Алексей.

– А то, что эти деньги можно забрать. Причем сделать это совсем не сложно.

Повисла долгая пауза, такая густая, что хоть ножом режь.

– Забудь об этом, – отрезал Алексей, – в таком офисе надежная охрана, я не поверю, что Завьялов не следит за своими деньгами как коршун. Он бдит, и еще как.

– В том-то и дело, что нет, – стукнула кулаком по столу Алена, – не бдит! Неужели мне это пришлось бы в голову, если бы я своими глазами не видела, насколько там легко относятся к хранению денег!

– Чтобы такой монстр, как Завьялов, – не поверю, – покачал головой Леша.

– Вот именно потому, что монстр, – объяснила Алена, – именно поэтому. Ему даже в голову не приходит, что его могут обокрасть. Он даже в мыслях такого не держит! Я же не голословна, я готова показать свой план.

– Какой план? Алена, ты сошла с ума, – отмахнулся Леша и стал наливать себе водку.

– Постой-постой, не торопись, – неожиданно вмешалась Эля, – давай послушаем, что Алена имеет в виду.

– Ну вот, это другой разговор, – улыбнулась Алена и достала из сумки листок бумаги с каким-то сделанным от руки чертежом.

Она развернула этот лист на столе, сдвинув тарелки в сторону.

– Вот это, – сказала Алена, тыча пальцем в квадрат, – наша приемная, из нее выходит вот этот коридор – это финансовый блок, тут сидят экономисты, тут финдиректор, здесь и касса. Видеонаблюдения в этой части здания нет.

Леша, не обращая внимания на увлеченные объяснения девушки, взглянул на жену. Эля, в чьих глазах он ожидал увидеть немой вопрос или требование немедленно прекратить этот балаган, смотрела на него как-то странно. Не мигая, высоко подняв правую бровь. За много прожитых вместе лет Алексей не раз читал на ее лице такое выражение, но никогда бы не подумал, что оно может возникнуть в момент, когда им предлагают совершить ограбление. А как еще это назвать?

– Идите в Лешину комнату, – решительно сказала Эля, отодвигая Аленкин план, – нечего среди грязных тарелок дела обсуждать. Я тут все уберу и позову вас чай пить.

Она выпроводила мужа и гостью из кухни и занялась наведением порядка. Пару раз Эля подходила к комнате, где шло обсуждение, и из-за незакрытой двери прислушивалась к голосам. Один голос был звонкий и уверенный, другой пока только вставлял реплики уточняющего характера. Через некоторое время муж стал задавать конкретные вопросы. А когда Эля уже готова была позвать парочку на чай, она застала их в полном молчании.

– А что, – встретил ее на пороге комнаты голос мужа, – тут все более чем реально. Если Завьялов такой дурак, что не стережет свои деньги, просто грех этим не воспользоваться. Но ты, Алена, должна понимать, что ты, как человек, работающий в компании недавно, первой окажешься под подозрением.

– Я это понимаю, – согласилась Алена, – но подозревать и доказывать – не одно и то же. Мы спрячем деньги так, что их никто не найдет. И пусть подозревают сколько им вздумается.

Когда Алена только пришла на работу в «Технологии роста», кое-что в новом коллективе вызвало ее крайнее удивление. Тут все друг другу улыбались, часто применяли уменьшительно-ласкательные формы обращения, так и старались оказать друг другу любую, пусть самую небольшую, услугу. Вскоре ей разъяснили, что все это – корпоративный стиль, заведенный в компании как незыблемое правило, и придерживаться его должны все без исключения.

Приходить на работу в плохом настроении или жаловаться на жизнь и болячки здесь считалось дурным тоном. Если же у кого-то действительно случалось что-то серьезное, все немедленно организовывались с целью оказания посильной помощи. Совершенно невозможно было представить себе сотрудников, обсуждающих кого-то за глаза. Здесь не принято было жаловаться, подсиживать или подставлять. Грубое обращение к кому бы то ни было или невежливый ответ – ни воочию, ни по телефону – были совершенно недопустимы. Алена в первый раз попала в такой коллектив. Оказалось, это правило ввел лично сам Завьялов, который терпеть не мог производственных склок и категорически отказывался разбирать возникающие между сотрудниками конфликты. А ведь они могут случиться не только между рядовыми. Алене рассказали, как заработало это правило. У Завьялова было два ценных специалиста, которых он уважал и которыми дорожил. Оба на руководящих должностях, от обоих в компании зависели возможности принятия важных решений. Но между собой они категорически не ладили. В компании называли их разногласия «разным менталитетом». В один прекрасный день дошло от откровенной стычки до повышенных тонов и даже откровенных выпадов, разумеется, только устных. Отголоски скандала докатились до Завьялова, который категорически отказался принимать чью бы то ни было сторону в споре, он просто уволил обоих в один день. С тех пор правила поведения в компании объяснялись новому сотруднику только один раз. И Завьялов действительно верил, что введенный им распорядок – это не только внешний антураж. Ведь взрослый человек, не глупый, а в сказки верит! Всегда и везде, где на одном пространстве сталкиваются множество людей, конфликты интересов, личная неприязнь, производственная ревность и прочие негативные проявления взаимоотношений между людьми неизбежны. И никакой олигарх не может этого отменить. В «Технологиях роста» тоже все это было, только гадили люди друг другу не в открытую, а исподтишка, нежно улыбаясь друг другу. Попробуй-ка скажи это Завьялову – не поверил бы ни за что. А вот уволить бы уволит. Ибо непослушание или двойные стандарты в его коллективе были бы для него ударом по его незыблемому авторитету. И если бы он когда-нибудь узнал, что кто-то из его сотрудников где-то назвал его самодуром, тоже не поверил бы. Он же не самодур! Во всяком случае, он сам так думает. То же самое относилось к его системе безопасности. Он признавал существование внешних врагов, всегда был настороже, имел собственную экономическую контрразведку, на работу принимал после тщательной проверки, более или менее откровенные разговоры вел только со сверхзащищенных телефонных аппаратов, периодически (особенно в поездках) пользовался услугами личной охраны. Но внутри своего офиса был совершенно расслаблен и безмятежен. Крупные суммы денег охранники привозили и складывали в комнатке кассира, где большие деньги лежали практически без всякого надзора. А зачем он? Постороннему человеку проникнуть в офис было практически невозможно, здание надежно охранялось. А бояться своих, тех, кого он кормит и благодетельствует, Завьялову даже в голову не приходило. Алена была поражена, когда увидела в комнате кассира подготовленную для каких-то целей наличность – белый холщовый мешочек с надписью лежал прямо на сейфе, тугой, доверху набитый пятитысячными купюрами. И никто не обращал на него никакого внимания. Вот это да!

– Сегодня в офис привезли крупную сумму для Анциферова, – серьезно сказала Алена, переводя взгляд с Леши на Элю, – она в мешке, в комнате кассира, я сама видела. Судя по тому, что я подслушала, заберут деньги послезавтра. А завтра наш финансовый директор Ирина Вениаминовна будет праздновать свое сорокалетие. Будет много цветов, посетителей. Поздравление будет проходить в конференц-зале, которым заканчивается левый коридор. В том коридоре, где сидят финансисты, будет пусто. Комнату кассира на время поздравления, конечно же, закроют, но у меня уже есть дубликат ключа от этой комнаты. Когда все будут в конференц-зале, я открою комнату своим ключом. Единственный способ вынести деньги из здания – это выбросить из окна. На всю эту процедуру уйдет три минуты. Окно комнаты кассира угловое. Это угол задней части здания и его правового крыла. Периметр не охраняется, поскольку

задней частью здание выходит на обрыв. В том месте он не очень крутой, подняться по нему можно, хотя ни дороги, ни тропинки там нет. Просто склон. Дорога проходит метров на двадцать ниже уровня нашего здания. Моя задача – выбросить мешок из окна. Задача Алексея – незаметно забраться по склону и, дождавшись момента, забрать мешок. Потом так же незаметно спуститься. На какое-то время деньги должны быть спрятаны в надежном месте. Не у меня и не у вас. Но это детали. В целом план принимается?

– У меня вопрос относительно дубликата ключа, – встряла Эля, – тебе положено его иметь по должности?

– Нет, – ответила Алена, – это никому не положено.

– А как же он у тебя оказался?

– Это было несложно, – не моргнув ответила Алена, – кассирша у нас не от мира сего. А сделать слепок с ключа не проблема, во всяком случае, я умею. Раньше мне это пригодились в мирных целях.

Эля и Леша смотрели друг на друга. Он ожидал от своей жены любых разумных доводов, любой эмоциональной реакции, единственное, чего он не ожидал, так это того, что она скажет:

– Принимается.

Глава 2

Это было где-то в начале августа прошлого года. Несколько недель остервеневшее солнце тщательно выжигало все живое. Раскаленный воздух дребезжал, неподвижно застыв в отсутствие даже самого слабенького движения. После полудня улицы словно вымирали, никто не хотел выходить на жару, и некоторое оживление наступало лишь к вечеру. Когда и люди, и природа были уже на пределе возможностей, солнце, как будто обозлившись на то, что так никого и не доконало, внезапно исчезло. Подул ветерок, набежали тучки, появление которых в лучшие времена могло кого-то и расстроить, а теперь только радовало. Воздух остыл до 24 градусов, и можно было высовываться на улицу. Я и до того выбирался, конечно, но без всякого удовольствия и только по крайней необходимости. У меня был большой важный заказ, и я выполнил его даже быстрее, чем думал. В ожидании гонорара я решил пройтись до нового магазина, побаловать себя чем-то вкусеньким. Наличности оставалось маловато, но заказ сдан, деньги скоро будут, так что беспокоиться не о чем. Во время жары в моем морозильнике не переводился лед, и я решил, что окончание работы нужно отметить так, как мне нравится: джин, немного тоника, много льда и долька лимона. В магазине «Гурман» был большой выбор хорошего алкоголя, частью мне недоступного, а частью такого, который даже я иногда мог себе позволить. Две долбанные недели я просидел на вареной картошке и колбасных изделиях и уже чувствовал, что еще одна сосиска – и меня тупо ею вырвет, а если справится желудок, то не справится психика, и начнется депрессия. И я решил сегодня, в день окончания работы, по-ужинать по-человечески: купить кусочек мяса, отбить его и поджарить. А к нему сделать большой салат из разных овощей. И посадить бутылку джина, не меньше. Я устал, мне требовались расслабление и отдых.

Наш район мне стал нравиться. Пока шла стройка, было тяжело, от постоянного гула болела голова. Когда стройка закончилась, звуки стихли, но долго еще чвакала под ногами строительная грязь. Потом все привели в порядок, заасфальтировали, высадили деревца. Но главное – появилась инфраструктура. В первых этажах нового жилого комплекса открыли магазины, круглосуточную аптеку. Там и рестораны какие-то заработали, и салоны, но мне они без надобности. А вот когда магазины и аптека в паре минут ходьбы – это очень удобно. Сначала я расстроился: продуктовый магазин оказался рассчитан на весьма денежную публику. Цены на жилье в новом комплексе такие, что по карману только избранным, поэтому и ассортимент в магазине, и цены соответственные. Но потом, когда я внимательнее присмотрелся, оказалось, что не все так печально: кроме всяких там изысканных деликатесов, вроде свежей рыбы и мраморной говядины, на прилавках лежит и обычная еда. И цены на нее вполне доступные.

Я выбрал себе добротный кусок постной свинины и направился в овощной отдел. Купил огурцы, помидоры, болгарский перец, зеленый лук и укроп. В желудке уже началось волнение: нос обонял свежие продукты, и мой организм, изуродованный сосисками, требовал хорошей пищи. Ничто не предвещало, что этот день станет особенным.

Сначала я почувствовал ее запах. Нет, неправильно, запахом можно назвать и те миазмы, которые источает колбаса. Правильнее будет сказать – аромат. Томный, зыбкий, прохладный. Аромат цвета послезакатного марева. Я сразу представил себе его цвет: темно-розовый в сердцевине, расплывающийся по краям голубовато-фиолетовыми мазками. Я насторожился. Нечасто бывает, чтобы какой-то запах заставил меня заволноваться. Всего одна капля, вибрирующая где-то в воздухе, всего одно мимолетное ощущение... Оказалось, я волновался не зря: через секунду после того, как я вдохнул чудо-аромат, передо мной оказалась та, кому он принадлежал. Девушка. С первого взгляда я ни за что не смог бы ее описать, ни цвета волос, ни параметров фигуры – я ничего не смог ни разглядеть, ни тем

более запомнить. На первый раз этого было бы слишком много. Я увидел только кончик ее носа и слегка шевелящиеся губы. Это уже потом я осознал, что девушка читала этикетку на баночке с каким-то паштетом, и ее губы едва заметно двигались, повторяя прочитанные слова. Не могу сказать, сколько я простоял, совершенно окаменевший, – две секунды или двадцать. Я не только не считал, я, кажется, еще и не дышал. Губы девушки представляли собой самое прекрасное зрелище, которое я когда-либо видел в своей жизни. Кончик короткого, аккуратненького носика, нежный овал подбородка и едва заметная полуулыбка. Это такая форма губ, понял я, их кончики совсем чуть-чуть приподняты, будто девушка кому-то улыбается. Но она улыбается не кому-то, а самой природе, которая не поленилась создать такое совершенство.

В тот день я уже ни о чем больше думать не мог. На автомате я жарил мясо и пил джин, потом лежал на диване, а когда кончился легкий дождик, вышел на улицу. Было уже почти темно, и во многих окнах жилого комплекса горел свет. А ведь она где-то там, эта удивительная девушка. За какими-то шторами, в какой-то из этих раковин прячется драгоценная жемчужина. Сердце мое внезапно остро и болезненно сжалось, и я пошел прочь. Дошел до своего дома, забрался на три скрипучие ступеньки, пошуршал листвою кустарника, нащупывая в опустившейся темноте ручку двери, скрипнул и вошел внутрь. Я открыл окно, чтобы ночной воздух мог беспрепятственно проникать в комнату, отозвался на кошачье мяуканье – кошкам требовалось насыпать корма – и бухнулся на диван. Я закрыл глаза, но тут же понял, что толку не будет, я все равно не засну. Со мной случилось что-то странное, это я уже осознавал. На самом деле уже тогда я был обречен.

После выполнения заказа я всегда беру перерыв в несколько дней, даже если меня уже дожидается новая работа. Глаза должны отдохнуть от компьютера, и мозг должен опустеть, не то в новый заказ может плавно перетечь то, над чем я работал до этого, и тогда я обрасту шаблонами и перестану мыслить творчески. Только когда последние остатки прошлой работы окончательно выветриваются, я берусь за новую. Некоторые специалисты по компьютерной графике прекрасно работают над несколькими проектами одновременно, но я так не могу. Освободившиеся пару-тройку дней я решил посвятить бесцельному шатанию по окрестностям. Вернее, цель-то как раз у меня была, но тогда я даже себе не мог бы в ней признаться. Через два часа хождений я устал, кроме того, мне стало как-то не по себе при мысли, что кто-то может видеть мои бессмысленные блуждания. И кому-то они могут показаться странными. Тогда я занялся уборкой своей территории.

Дом купца Волховитинова не сносят принципиально – он является историческим памятником, и по областному закону его нельзя стереть с лица земли. По тому же закону исторические памятники положено реставрировать и содержать в образцовом порядке, и с некоторыми нашими историческими домами так и происходит. Если бы в моем доме жил какой-нибудь известный поэт или писатель, художник, музыкант или общественный деятель, мне бы тоже повезло. Но в моем доме жил Петр Саввич Волховитинов – просвещенный купец, обустроивший в нашем городе первую публичную библиотеку. За это его имя некоторым образом чтут, но не до такой степени, чтобы его дом удостоился реконструкции или хотя бы ремонта. Когда наш микрорайон застраивался, вокруг моего дома тоже крутились представители какой-то строительной фирмы, но в комитете по охране исторических памятников им дали от ворот поворот. Это решение лишило последней надежды жильцов нашего дома – а к тому времени квартир, в которых продолжали жить люди, было всего четыре. Но после бюрократического отказа и они съехали, терпение лопнуло. У кого-то, было дело, возникла крамольная мысль поджечь дом к чертовой матери, и ее даже живо обсуждали мои соседи, но в последний момент испугались. Оказалось, что технику этого дела никто не знает. Вернее, поджечь-то дело нехитрое, но доказать потом, что возгорание произошло по ветхости, а не по вине жильцов, куда сложнее. А доказать это государству, которое ничем не хочет

никого никуда расселять, и вовсе немислимо. Так и получилось, что мои соседи разъехались кто куда, а мне в почтовый ящик упало письмо, в котором говорилось, что областной Программой по сохранению исторического и культурного наследия предусмотрена реконструкция дома купца Волховитинова в будущем году. Ну и пусть в будущем году. Мне все равно. Мне даже нравилось, что я остался один. У меня были ключи от всех квартир, и со временем я грамотно, на мой взгляд, распорядился оставшимся имуществом моих бывших соседей. А от них много чего осталось! Хлам, который уже не мог пригодиться, я утилизировал, а остальное рассортировал. Оказалось, что мои соседи оставили в своих квартирах много интересного: старинный торшер, коврик ручной работы, большие красивые цветы в кадках, кресло-качалку, скатерть, шкатулки, кое-что из мелочей, но главное – картину неизвестного мне художника, которая осталась от умершей бабушки и никому почему-то не приглянулась. Я в эту картину был влюблен и берег ее как зеницу ока, иногда доставая из шкафа и любясь ею.

Дворик за домом был совсем маленький, но зато это был мой дворик! Здесь безраздельно господствовал один лишь я! Ну и еще несколько кошек, которые числились вольными, но приходили ко мне в гости поест сухого корма, поваляться на солнышке, а то и навалить кучку на каком-нибудь видном месте, чтобы я всегда помнил, что живу тут не один. Во дворе у меня были сарай, клумба, за которой я регулярно ухаживал, и место отдыха, то есть гамак, который я зацепил за две старые яблони. Летом плоды, бывало, падали мне прямо на голову, но выбора у меня не было. Во дворе, как всегда, было полно работы, но если я займусь делами там, то мой дом скроет от меня все, что происходит на улице и в большом квадратном дворе нового жилого комплекса. Поэтому я занялся тем, что давно уже откладывал, – мытьем окон, выходящих на переулок, громко именующийся улицей Достоевского, и стиранием пыли с внешних подоконников. Я работал довольно долго, уже ныла спина, а во двор приезжали только здоровые дядьки, из подъездов выбегали дети и выплывали дамочки. Мое боковое зрение засекало также группу подростков, старушку с ниткой крученого бисера на шее, молодого человека в прокурорской форме, видимо, приехавшего на обед. Я уже подумывал о том, чтобы закруглиться, когда судьба вознаградила меня: во двор въехал белый джип, и из него выскользнула девушка. Я не мог узнать ее, слишком уж мало я ее видел и слишком плохо разглядел. Я ее почувствовал! Я так заволновался, сгусток крови ударил прямо в горло и стал там пульсировать. Это она. Я поставил ведро со шваброй на асфальт, снял грязную майку и надел чистую. Девушка разговаривала по телефону, медленно двигаясь в сторону магазина. Понятно, в магазине разговаривать ей неудобно. Я двинулся за ней. Теперь мне удалось ее рассмотреть. Волосы до плеч, гладкие, темные, с пепельным переливом, цвет не естественный, но принятый из рук дорогого мастера. Невысокая, стройная, не тощая, но и без излишних округлостей. Одета со вкусом, модно, движения плавные, легкая походка. Если не видеть ее лица, то просто изящная девушка. Мне не терпелось приблизиться к ней и обогнать. Боже, что у нее было за лицо! Никогда мне не доводилось видеть такого лица. Ни в жизни, ни в кино. Некоторые женские лица вызывали во мне восхищение и трепет. Например, точеные черты молодой Клаудии Кардинале или изысканная чувственность Изабель Аджани... Такие лица – совершенные творения природы, их можно разглядывать часами. От лица же вчерашней девушки и вовсе было невозможно отвести взгляд. Я бы хотел описать его, но боюсь, что не смогу. Как не смог бы описать словами музыку Шопена.

В тот же день я узнал, что живет она прямо напротив меня, а на следующий день результатом вечернего дежурства стало еще более важное открытие: ее окна выходят на мою сторону, и живет она на втором этаже. Я сделал сайт и рекламу со сложной компьютерной графикой для одного нового интересного коммерческого проекта и получил приличный гонорар. Теперь я знал, куда потратить деньги: я купил хорошую оптику и штатив, но скоро понял, что с моего первого этажа ничего увидеть будет невозможно. И я принял решение о переселении. О втором этаже я раньше не задумывался: зачем? Теперь этот вопрос приоб-

рел актуальность. Я выбрал квартиру, где раньше жила Софья Степановна, бывшая оперная певица, очень интересная и утонченная женщина. Я сделал у нее в гостиной генеральную уборку, вытащил во двор кое-какую рухлядь, перенес со своего этажа кресло-качалку и компьютер. Тащить наверх свой диван было слишком сложно, и я облагородил с помощью настенного коврика лежанку Софьи Степановны. Оно было не слишком удобным, но ведь спать и готовить я могу у себя. А здесь проводить только то время, которое мне будет отводиться для того, чтобы быть с ней.

Очень скоро я знал о ней довольно много. Я изучал ее, используя все источники: информацию из ТСЖ, социальные сети. Ее звали Диана Воронцова, скоро ей должно исполниться 34 года, хотя я ни за что не дал бы ей больше 26. Она имеет диплом искусствоведа, некоторое время жила за границей, еще какое-то время в Москве, постоянного места работы у нее нет, о чем можно было судить даже не из соцсетей, а из того вольного графика жизни, который она себе позволяла. А уж в ее графике благодаря своей оптике я разбирался хорошо. Каким-то образом она связана с продажей предметов искусства или только живописи, точно я не понял. Но все это было не так важно. Гораздо интереснее было познавать внутреннюю сторону ее жизни: что она ест на завтрак и на ужин, чем занимается перед сном. Потом пришлось узнать и еще кое-что. У моей нежной красавицы есть поклонник.

Он стал приезжать к ней где-то в конце осени, когда уже дули ветра и в незаклеенное окно Софьи Степановны беспощадно несло с улицы. Сначала я засек их во дворе, когда старый хрыч привез Дину домой. Не то что бы он был совсем уж старым, но ему было явно за 50. Итак, старый пень вышел из своего «Мерседеса», подал руку девушке, они стояли несколько минут на улице, о чем-то беседуя. Потом он церемонно поцеловал ей руку и сел обратно в машину. После этого Дина стала довольно часто пропадать вечерами. Она подолгу наряжалась перед зеркалом, осматривала себя, после чего упархивала, но возвращалась без компании и спать ложилась в одиночестве. Я со страхом ждал того дня, когда в ее квартире зажжется свет и я увижу в окне два силуэта.

Такой момент настал, и в этот самый вечер мне показалось, что мое сердце остановилось. Но и это был не конец и даже не высшая точка моих страданий. Еще более ужасный сюрприз ожидал меня, когда моя птичка упорхнула на целую неделю, в течение которой я метался, как тигр в клетке, и пил горькую, изнывая от тоски и ревности. А ведь она может когда-нибудь уехать отсюда навсегда, подумал я. Не зря же она валандается со своим потрепанным хмырем, возьмет да и выйдет за него замуж. На самом деле хмырь был вовсе не потрепанным, он был очень даже ничего, подтянутый, с благородной проседью в темных выющихся волосах. Это я от злости придумывал ему всякие обидные определения. Но всерьез бояться я начал тогда, когда увидел ее поклонника по телевизору. Оказалось, что он глава крупной строительной компании, депутат областной Думы, меценат и что-то там еще... В общем, полный набор. Скоро я заметил, что Дина довольно часто отлучается из дома. То ли ездит отдыхать, то ли продажа предметов искусства требует от нее каких-то перемещений. И в те дни, когда она отсутствовала, я сильно скучал. Впрочем, не я один. После ее очередного возвращения всегда появлялся он...

Почему я, собственно, так взвился? Ведь понятно, что у девушки такого полета не может быть со мной ничего общего. Иногда она замечает меня, когда мы сталкиваемся у кассы в магазине, и даже легко кивает, но она кивает всем, кого часто видит, не только мне. Просто такое воспитание. Так что же мне за дело до нее и до ее жизни? Я не раз задавал себе этот вопрос и, отвечая самому себе, злился и совершенно запутывался. Я ни на что не надеялся, ибо это было бы просто смешно. Но я хотел, чтобы она была рядом. Пусть я вижу ее только на расстоянии или через объектив моей мощной подзорной трубы, но я должен ее видеть. Как это ни назови – болезнью, любовью или глупостью – суть не изменится. И сколько бы я ни корил себя, сколько бы ни пытался сам над собой смеяться, просыпался я с мыслью

о своей соседке. И когда засыпал, перед моим внутренним взглядом вставало ее совершенное лицо.

* * *

– Наташа, где ты сейчас находишься? Мне нужно срочно тебя увидеть!

Голос в трубке был прерывающийся, звонивший говорил скороговоркой, будто за ним гналась стая собак. И даже не поздоровался. И ни одного вопроса о ней: как, мол, она поживает? Как у нее настроение? Как себя чувствует, в конце концов. Не звонил неделю – и тут на тебе, надо срочно увидеть. Стало обидно.

– Что за спешка? – спросила Наташа, нарочито медля. У нее-то ничего не случилось, пожара нет, никто за ней не гонится.

– Не буду говорить по телефону, давай пересечемся, – не снижая темпа речи, продолжал собеседник, – у меня важное сообщение.

– Что за тайны, тебя что, ФСБ прослушивает? – усмехнулась девушка.

– С чего ты взяла? – На секунду замешкался звонивший. – Ну так что? Ты где находишься?

– У меня дела, – равнодушно ответила Наташа, – неделю от тебя не было никаких сообщений, а тут пожар случился.

– Не пожар, кое-что получше, – был ответ.

Несколько секунд оба собеседника молчали каждый у своей трубки. Молодой человек терпеливо, насколько это возможно в его ситуации, ждал, пока ему назначат место и время, а девушка разглядывала себя в зеркале, пытаясь решить вопрос, не следует ли сменить краску для волос на более светлый оттенок.

– Наташа, я не шучу, это касается отца, – вновь включился молодой человек, – его ограбили.

– Как? Когда? – удивленно выдохнула девушка.

– Сегодня днем, так что давай собирайся быстрее, надо повидаться.

– Я буду готова через десять минут. Где? – спросила та, которая только что никуда не торопилась.

– Я ужасно хочу есть, так что давай в «Вероне» через полчаса, раньше я через пробки не проеду.

– Договорились.

Наташа засуетилась. До итальянского кафе ей было пять минут ходьбы, Сережа назначил встречу, догадываясь, что она дома. Но выйти нужно было в приличном виде. Неделю он ей не звонил, раньше такого никогда не бывало, и она уже начала думать, что он забыл обо всем, обо всех их планах – и краткосрочных, и более отдаленных, связанных с будущим. Когда позвонил Сережа Завьялов, она уже практически была готова к выходу на улицу, но она собиралась прошвырнуться по магазинам, и ничего более. Посещение ресторана, даже еще и в компании с Сережей, в ее планах не значилось, так что Наташа стала срочно переодеваться. Она более тщательно причесалась, надела на тонкий пальчик кольцо замысловатого дизайна, подвела глаза темным карандашом, накинула легкий черный льняной пиджачок с золотым напылением. Она купила его на Сардинии в бутике Trussardi. Он потрясающе шел ей, просто глаз было не оторвать.

Через полчаса Наташа сидела за столиком и рассматривала меню, которое и так хорошо знала. Сережа влетел запыхавшийся, возбужденный, раскрасневшийся, все лицо в капельках пота. Подозвал официантку, заказал себе салат «Ди маре» с креветками и лазанью.

– Голодный страшно, – как бы оправдываясь, сказал он.

И только тут до него дошло, что он не спросил Наташу, что она будет есть. Девушка не успела ни возмутиться, ни обидеться, а официантка уже вернулась, и она с недовольным лицом заказала для себя запеченные баклажаны и бифштекс из индейки. Зачем тратить деньги на еду? Пусть Завьялов-младший раскошеляется. Хоть какой-то прок от их чертовой семейки.

Когда официантка ушла, Сережа выпалил:

– У отца сегодня увели миллион зеленых.

– Сколько? – ошеломленно спросила Наташа. – Прямо из дома? Он что, держит у себя такие деньги?

Сережа отрицательно показал головой:

– Из офиса, я сам пока мало что знаю, – сказал он, – кое-что от Зураба просочилось, еще что-то из офиса сообщили... В общем, с миру по нитке.

– Говори, что знаешь, – нетерпеливо произнесла Наташа.

– Короче, сегодня у Ирины Вениаминовны был день рождения, сорокалетие, – начал Завьялов-младший.

– Ирина Вениаминовна... что-то знакомое... – протянула Наташа.

– Да ты ее знаешь, она у отца финансовый директор, вы встречались, может, помнишь?

Наташа вспомнила, но воспоминания эти были из другой жизни, из тех самых лучших, беззаботных, солнечных месяцев, которые сейчас так больно и тяжело вспоминать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.